Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.Л. Катанский

Учение о благодати

Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 2. С. 137-171.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

УЧЕНІЕ О БЛАГОДАТИ БОЖІЕЙ *)

ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ

XII. Пр. Макарія Египетскаго [1]).

ПР. МАКАРІЙ Египетскій пошелъ еще далѣе св. Григорія Нисскаго (въ полномъ, впрочемъ, съ нимъ согласіи) въ изъясненіи таинственныхъ дѣйствій благодати Божіей въ душѣ человѣческой, уже возрожденной св. крещеніемъ. Великій египетскій подвижникъ не оставилъ, можно сказать, ни одного вопроса не разъясненнымъ относительно остатковъ грѣха въ человѣческой душѣ, дѣйствія въ ней благодати, содѣйствія человѣческой воли и вза-

*) См. „Христ. Чтеніе“ декабрьскую кн. за 1900 г.

[1]) Относительно текста твореній, извѣстныхъ подъ именемъ преп. Макарія Египетскаго, именно *50-ти* его „*Бесѣдъ*“, держимся обыкновенно принимаемаго въ настоящее время текста (по изданію Миня). На нашъ взглядъ, содержаніе „Бесѣдъ“, находящееся въ близкомъ родствѣ съ изложеннымъ уже нами сотеріологическимъ ученіемъ другихъ древнихъ отцовъ, сильно говоритъ за большую древность этого драгоцѣннаго памятника сотеріологическихъ воззрѣній древняго египетскаго подвижника. Такимъ этотъ памятникъ останется даже и въ томъ крайнемъ случаѣ, если предположить, что въ „Бесѣдахъ“ не все принадлежитъ пр. Макарію Египетскому, или что его мысли и наставленія не вездѣ записаны съ буквальною точностью и что слѣдовательно на его „Бесѣды“ можно смотрѣть какъ на собирательный, до нѣкоторой степени, трудъ египетскихъ подвижниковъ, во главѣ съ пр. Макаріемъ, котораго наставленія и весьма многія изреченія легли въ его основу, и котораго имя поэтому, не безъ основанія (даже и при этой точкѣ зрѣнія), усвояется всему древнему памятнику подвижнической письменности.

имоотношенія этихъ трехъ двигателей души въ процессѣ содѣванія христіаниномъ своего спасенія. Положеніе св. Григорія Нисскаго относительно полнаго возсозданія или «претворенія» человѣческой природы, и по послѣ крещенія не совершенно чуждой грѣха,—претворенія постепеннаго, чрезъ дѣйствіе благодати, при участіи человѣческой воли, въ теченіе всей человѣческой жизни, составляло основную, главную тему всѣхъ бесѣдъ пр. Макарія и раскрыто имъ такъ глубоко и всесторонне, на основаніи богооткровенныхъ данныхъ и собственнаго духовнаго опыта, какъ ни кѣмъ до него. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи къ раскрытію ученія о дѣйствіи благодати Божіей въ человѣкѣ-*христіанинѣ*, можно назвать его, по истинѣ, великимъ тайновидцемъ премудрыхъ и безчисленно-разнообразныхъ путей Божіихъ въ дѣйствіи на человѣческую душу и сокровенныхъ движеній въ глубокихъ тайникахъ внутренняго человѣка.

При такой задачѣ твореній пр. Макарія, посвященныхъ назиданію его слушателей иноковъ, естественно, что у этого св. отца не встрѣчается такого многообъемлющаго паренія мысли въ областяхъ ѳеологіи, какъ у св. Аѳанасія, Василія Вел., Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. Жизнь Тріединаго Бога самого въ себѣ и въ явленіи міру,—въ твореніи, общемъ промышленіи и искупленіи, не сосредоточиваетъ на себѣ преимущественнаго вниманія египетскаго подвижника, и если онъ касается этихъ предметовъ, то не нарочито, а въ связи съ основною своею темою и главною цѣлію своихъ наставленій. А потому неудивительно, что у него замѣтно съуживается и самый объемъ понятія благодати; и это явленіе нельзя не поставить въ связь съ размѣрами его кругозора. Болѣе тѣсный кругозоръ въ данномъ случаѣ отразился на болѣе тѣсномъ объемѣ понятія благодати, точно такъ же, какъ широкій—у другихъ великихъ отцовъ греческаго востока—на широкомъ объемѣ этого понятія.

Тѣмъ не менѣе и у пр. Макарія находимъ отголоски *общеотеческихъ широкихъ представленій о благодати*, какъ дѣйствіи всѣхъ лицъ Св. Троицы и во всѣ моменты жизни человѣческаго рода, слѣдовательно — о благодати въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Такъ, онъ говоритъ о благодати, какъ дѣйствіи всѣхъ лицъ Св. Троицы,—дѣйствіи, выражающемся въ «благости воли Отчей», въ «добротѣ Отца», въ «любви Христовой», въ

«благости Духа» [1]). Находимъ у него и представленіе о совмѣстномъ дѣйствованіи Слова и Духа -съ самаго начала бытія рода человѣческаго. Уже въ Адамѣ пребывали не только Слово, но и Духъ Св. Духъ пребывалъ въ нашемъ прародителѣ именно въ силу того, что въ немъ (Адамѣ) было Слово, «ибо *Слово было для него всѣмъ*». «*Духъ*, когда хотѣлъ, такъ же пребывалъ въ Адамѣ, какъ (потомъ) дѣйствовалъ *въ пророкахъ* и научалъ ихъ и былъ внутри ихъ и являлся имъ совнѣ» [2]). И не вскользь только говорилъ пр. Макарій о «дѣйствованіи Духа въ пророкахъ», которые «вѣщали, когда того хотѣлъ Духъ», объ «обитаніи благодати Божіей внутри» ветхозавѣтныхъ праведниковъ, о «непрестанномъ пребываніи силы Божіей въ праведникахъ, въ подзаконной сѣни» [3]), въ

---

[1]) Homil. XVIII n. 6. „Истинное сокровище Христа въ силѣ и дѣйствіи (ἐνεργείᾳ) Духа". Сперва мы себѣ самимъ пріобрѣтаемъ Господа, а потомъ и другимъ даемъ „изъ внутренняго сокровища Христова"... „Ибо такъ благоволила благодать воли Отчей (ἡ ἀγαθότης τοῦ θελήματος τοῦ Πατρὸς)... Такъ *восхотѣла* безпредѣльная доброта (χρηστότης) Отца, такъ *благоволила* недомыслимая любовь (ἀγάπη) Христа, такъ *возвѣстила* благость (ἀγαθότης) Духа. Слава неизреченному милосердію Св. Троицы"!

[2]) Замѣчательно, что все это выражено по поводу поставленнаго въ бесѣдѣ (Homil. XII n. 6) вопроса: *Адамъ* до паденія, «будучи причастенъ небеснаго образа, *имѣлъ ли Св. Духа*?» Отв. «Пока *сопребывало* съ нимъ (συνῆν αὐτῷ) *Слово* Бога и заповѣдь, онъ имѣлъ все; ибо само Слово было его наслѣдіемъ... оно было ученіемъ». Доказательство — наименованіе всѣхъ предметовъ и тварей міра. На слѣдующій затѣмъ вопросъ (ibid. n. 7): «имѣлъ ли онъ (Адамъ) ощущеніе и общеніе Духа» снова дается тотъ же отвѣтъ: «Само сопребывающее (συνὼν) Слово было для него всѣмъ: и вѣдѣніемъ и ощущеніемъ и наслѣдіемъ и ученіемъ». Наконецъ на дальнѣйшій вопросъ (ibid. n. 8): «слѣдовательно люди до преступленія вмѣсто покрова облечены были славою Божіею» слѣдуетъ отвѣтъ: «какъ *въ пророкахъ дѣйствовалъ Духъ*, и научалъ ихъ и *внутри* (ἔσωθεν) ихъ былъ и *совнѣ* имъ являлся, такъ и *въ Адамѣ Духъ*, когда хотѣлъ, былъ съ нимъ (σὺν αὐτῳ ἦν), училъ и внушалъ: такъ скажи и нареки; *ибо всѣмъ для него было Слово*».—Ср. Hom. V n. 11: «Богъ, сотворивъ Адама, не устроилъ ему тѣлесныхъ крыльевъ, какъ птицамъ, но уготовалъ ему крылья Св. Духа».

[3]) Обозрѣвая чудеса Божіи въ Ветхомъ Завѣтѣ (Homil. L, n. 1—2), пр. Макарій говоритъ (ibid. n. 3), что и «въ (*подзаконной*) *сѣни сила Божія* непрестанно сопребывала въ *праведникахъ*. творя явныя чудеса и *внутрь* ихъ обитала *благодать божественная* (ἡ θεία χάρις). Также дѣйствовалъ *Духъ* (τὸ Πνεῦμα) и въ *пророкахъ*, и въ душахъ ихъ служилъ къ тому, чтобы пророчествовать и говорить, и, когда была потребность, изрекать міру дѣла великія. Ибо не всегда говорили *пророки*, но когда хотѣлъ

частности—о дѣйствіи «благодати въ Іовѣ» [1]), «о славѣ Духа, покрывавшей лице Моисея» [2]), объ «удаленіи Духа отъ іудеевъ, когда раздралась церковная завѣса» [3]). Правда, такое словоупотребленіе и представленіе о благодати можно назвать у пр. Макарія во всякомъ случаѣ очень рѣдкимъ и исключительнымъ. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ понятіе благодати имѣетъ у него тѣсный объемъ и смыслъ и что замѣчательно, благодать, какъ «небесный даръ», иногда прямо уже противополагается дарамъ естественнымъ, хотя они тоже Божіи [4]).

Въ безчисленномъ количествѣ мѣстъ благодать у него мыслится *какъ особенная сила Божія*. вспомоществующая человѣку въ усвоеніи спасенія Христова. Эта сила есть сила столько же Духа Св., какъ и Христа Спасителя или, лучше сказать,—Духа Христова, неотдѣлимая отъ Христа, сообразно съ чѣмъ встрѣчаются слѣдующія формулы, обозначающія содержаніе понятія благодати въ этомъ тѣсномъ смыслѣ. Нужно озареніе Духа, чтобы видѣть Христа [5]). Христосъ «приходитъ» въ душу и «обитаетъ (въ ней) *во всякомъ ощущеніи*

того *Духъ въ нихъ* (τὸ ἐν αὐτοῖς Πνεῦμα)». Ibid. n. 4. «Если же и въ сѣнь (законную) Духъ Св. изливался въ такой мѣрѣ, то тѣмъ болѣе излился Онъ въ Новый Завѣтъ, на крестъ, въ пришествіе Христово, гдѣ и произошло изліяніе и упоеніе Духа».

[1]) Homil. XXVI n. 7. Іовъ «былъ ревностенъ и горячъ по благодати (τῇ χάριτι)».

[2]) Homil. V n. 10. «Блаженный Моисей въ той *славѣ Духа*, которая покрывала лице его, показалъ намъ образъ» будущей славы тѣлъ святыхъ, по воскресеніи.

[3]) Homil. IV n. 20: τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἀναχωρήσαντος, ὅτε τὸ καταπέτασμα τοῦ ναοῦ ἐσχίσθη. Еще XVII, n. 14.

[4]) Homil. XXIX, 6. «Вѣдѣніе же и разумѣніе понимай различно: или *по благодати и небесному дару* Духа или какъ *естественное слѣдствіе* (κατὰ φυσικὴν ἀκολουθίαν) разума или разсудка и изученія божественныхъ Писаній. Ибо отъ каждаго потребуются плоды добродѣтели, по мѣрѣ оказанныхъ ему Богомъ благодѣяній *или естественныхъ или дарованныхъ Божественною благодатію* (ἤτοι φυσικῶν, ἤτοι ἐκ θείας χάριτος δεδομένων)». Ср. разсужденіе (въ Homil. XV, 5) о служеніи Богу «благодатію и духомъ» и о Божіихъ сосудахъ» (приведено ниже).

[5]) Homil. XXVIII, 5. «Очи души достойной и вѣрной, просвѣщенныя божественнымъ свѣтомъ, духовно видятъ и распознаютъ истиннаго друга, сладчайшаго и многовожделѣннаго *жениха—Господа, когда душа озарена поклоняемымъ Духомъ* (καταλαμπομένης τῆς ψυχῆς ὑπὸ τοῦ προσκυνητοῦ Πνεύματος)».

и дѣйствіи Духа» [1]). Духъ Св. есть «жизнь души», «образъ Сына» и Онъ-то «написуетъ небесный образъ и даетъ душѣ прекраснаго и добраго Жениха» [2]). «Сокровище Духа есть

---

[1]) Homil. XIV n. 2... «Не надѣется онъ (человѣкъ) на труды свои ...пока *Господь*, пришедши, не будетъ *обитать* въ немъ, *во всякомъ ощущеніи и дѣйствіи Духа*. А когда вкуситъ отъ благости Господней... и *свѣтъ Христовъ* возсіяетъ и воздѣйствуетъ въ неизреченной радости, тогда, имѣя съ собою Господа, удостовѣрится во многой любви».

[2]) Такія представленія выражены и подробно раскрыты въ Homil. XXX n. 1—5. «Земные отцы рождаютъ чадъ изъ собственнаго своего естества, изъ тѣла своего и души» и заботятся о томъ, чтобы сдѣлать ихъ совершенными мужами (n. 1). «Подобнымъ образомъ и Господь нашъ І. Христосъ, заботясь о спасеніи человѣка, совершилъ *все* домостроительство и попеченіе—съ самаго начала чрезъ отцевъ, патріарховъ, законъ и пророковъ, а на послѣдокъ, пришедши самъ и пренебрегши позоръ креста, претерпѣлъ смерть. И весь этотъ трудъ и стараніе Его были для того, чтобы породить чадъ изъ себя самого, изъ собственнаго своего естества, изъ Духа, благоволивъ, чтобы они рождались свыше отъ божества Его... Возлюбивъ родъ человѣческій, какъ *собственный образъ* (ὡς ἰδίαν εἰκόνα), восхотѣлъ породить его отъ своего сѣмени—Божества. И если иные не хотятъ войти въ это рожденіе и быть рожденными изъ нѣдръ Духа (ἐκ τῆς γαστρὸς τοῦ Πνεύματος), то великая печаль Христу» (n. 2). «Всѣ ангелы и святыя силы радуются о душѣ, рожденной отъ Духа и содѣлавшейся духомъ. Ибо тѣло это есть подобіе души, а душа есть *образъ Духа* (εἰκὼν τοῦ Πνεύματος); и какъ тѣло безъ души мертво и ничего не можетъ дѣлать, такъ безъ *небесной души*, безъ *Духа божественнаго* (τῆς ἐπουρανίου ψυχῆς, τοῦ θεϊκοῦ Πνεύματος), душа мертва для царства и безъ Духа не можетъ дѣлать (дѣлъ) Божіихъ» (n. 3). «Превосходный живописецъ Христосъ въ (душахъ) въ Него вѣрующихъ и совершенно къ Нему устремленныхъ, скоро по образу своему живописуетъ *небеснаго человѣка*, и *отъ Духа своего*, отъ ипостаси неизглаголаннаго своего свѣта написуетъ *небесный образъ* и даетъ ей (душѣ) прекраснаго и добраго ея Жениха» (n. 4). Подобно золотой монетѣ, не имѣющей царскаго изображенія и потому непринимаемой къ обращенію, «и душа, если не имѣетъ *образа небеснаго Духа*, въ неизреченномъ свѣтѣ, *Христа*, въ ней отпечатлѣннаго, не потребна для горнихъ сокровищъ и отметается купцами царствія—прекрасными апостолами... *Знаменіе* и знакъ отпечатлѣннаго въ душахъ *Господа*, это—*Духъ* неизреченнаго свѣта». Какъ человѣкъ, по удаленіи души изъ тѣла, мертвъ и выносится вонъ изъ города, «такъ и душа, не носящая небеснаго образа божественнаго свѣта,—*жизни души*, дѣлается какъ бы не имѣющею цѣны и совершенно отверженною, ибо душа мертвая, не носящая свѣтлаго и божественнаго Духа, не потребна для града святыхъ. Какъ въ (семъ) мірѣ жизнь тѣла есть душа, такъ и въ вѣчномъ и небесномъ мірѣ *жизнь души есть Духъ божества* (τῆς ψυχῆς ἡ ζωὴ, τὸ Πνεῦμα τῆς θεότητος») (n. 5). Далѣе (въ n. 5) еще разъ «Духъ божественный» называется «жизнію души» (τὸ θεῖκὸν Πνεῦμα ἡ ζωὴ τῆς ψυχῆς»), и далѣе—«жизнь для души—божественный свѣтъ Духа».

самъ Христосъ» [1]). А потому христіане суть *чада* Духа, братія же Христовы [2]). И хотя Господь І. Христосъ иногда какъ бы отличается отъ «силы Божіей» [3]), т. е. отъ Духа Св., но въ большинствѣ случаевъ о Христѣ Спасителѣ и Духѣ Св. говорится совмѣстно, и благодать изображается какъ дѣйствіе того и другаго, съ нѣкоторымъ только перевѣсомъ въ пользу Духа Св., какъ это и естественно. Вообще же, однако, мы напрасно стали бы искать у пр. Макарія такихъ точныхъ, въ этомъ отношеніи, формулъ, какія мы находили въ твореніяхъ знаменитыхъ св. отцевъ IV в., въ особенности у св. Василія Вел. У пр. Макарія преобладаетъ представленіе о благодати, какъ совокупномъ дѣйствіи Духа и Сына, живо напоминающее одну изъ формулъ св. Василія Вел. — «въ Словѣ Духъ и въ Духѣ Слово».

Впрочемъ, не въ этой сторонѣ ученія о благодати (сторонѣ, болѣе чѣмъ достаточно раскрытой, какъ мы видѣли, другими св. отцами IV в.)—сила и важное значеніе твореній знаменитаго египетскаго подвижника, а—въ глубокомъ проникновеніи въ сущность и состояніе грѣховности нашей природы, въ изображеніи дѣйствія благодати въ нашей душѣ, имѣющей, даже и послѣ возрожденія въ крещеніи, на днѣ ея «тину» грѣха, и въ изъясненіи, какъ могутъ совмѣщаться въ насъ

---

[1]) Homil. XVIII n. 1. Подобно тому какъ богатый, на свое сокровище и богатство, пріобрѣтаетъ все, что хочетъ, «и имѣющіе небесное *сокровище Духа—самого Господа* (αὐτὸν τὸν Κύριον), возсіявающаго въ сердцахъ ихъ, этимъ *сокровищемъ*, *сущимъ въ нихъ Христомъ* (τοῦ ἐν αὐτοῖς ὄντος Χριστοῦ), пріобрѣтаютъ всякую правду добродѣтелей». Далѣе говорится о «невидимомъ богатствѣ сущей въ нихъ благодати», а «это сокровище» называется «освящающею силой Духа». Въ n. 2 раскрывается та же мысль о добродѣланіи, при помощи «небеснаго сокровища Духа», «небеснаго сокровища, *которое есть Христосъ*». Также и въ n. 3 называется это сокровище то «сокровищемъ Духа», то «сокровищемъ Христа».

[2]) Homil. XXVIII n 4. Послѣ паденія Адама, «до послѣдняго Адама—Господа, человѣкъ не видѣлъ истиннаго небеснаго Отца, доброй и благой *матери благодати Духа* (μητέρα τὴν χάριν τοῦ Πνεύματος), сладкаго и вожделѣннаго *брата Господа*, и друзей и ближнихъ своихъ, св. ангеловъ». Въ Homil. XVI n. 8 христіане называются τέκνα Πνεύματος ἁγίου, ἀδελφοὶ Χριστοῦ φωτεινοί.

[3]) Homil. XVII n. 10. «Какъ невозможно рыбѣ жить безъ воды или человѣку ходить безъ ногъ... такъ безъ *Господа Іисуса и* безъ *дѣйствія божественной силы* нельзя познать тайны и премудрость Божію, или быть богатымъ и христіаниномъ». Ср. наименованія Духа Св. «небесною солію, т. е. Божіею силою». (Hom. 1 n. 5; см. ниже).

грѣхъ и благодать и какимъ образомъ совершается благодатію, въ союзѣ съ человѣческимъ произволеніемъ, постепенное очищеніе души отъ корней и плодородныхъ зародышей грѣха— до совершеннаго его изчезновенія, вмѣстѣ съ полнымъ принятіемъ «всею» душею «всего» Духа и «всего» Христа.

О первородномъ грѣхѣ.—Зло въ насъ—въ слѣдствіе грѣхопаденія Адама, который «лукавое слово сначала принялъ внѣшнимъ слухомъ, потомъ оно прошло чрезъ сердце (διὰ τῆς καρδίας) и объяло все его существо» [1]). Лазарь смердящій—подобіе Адама. И «ты носишь тѣ же язвы, то же зловоніе, ту же тьму. Всѣ мы сыны этого *потемненнаго рода*, всѣ причастны того же зловонія. Какою немощью онъ пострадалъ, тою же пострадали и всѣ мы, происходящіе отъ *Адамова сѣмени*» [2]). «Съ того времени, какъ Адамъ преступилъ заповѣдь, *змій* вошедши сдѣлался господиномъ дома и онъ есть *при душѣ какъ другая душа* (ὡς ψυχὴ ἑτέρα μετὰ τῆς ψυχῆς)... Грѣхъ, вошедши въ душу, сдѣлался *ея членомъ* (μέλος αὐτῆς), прилѣпился и къ самому тѣлесному человѣку и въ сердцѣ струятся многіе нечистые помыслы» [3]). «*Всякая* душа имѣетъ *неизцѣлимую язву* (τὸ ἀνίατον τραῦμα) грѣха... Того и домогался врагъ въ Адамовомъ преступленіи, чтобы *уязвить* и *омрачить внутренняго человѣка*, владычественный умъ, зрящій Бога» [4]). «Какъ преступившій (заповѣдь) Адамъ принялъ въ себя *закваску зла* страстей, такъ и по причастію родившіеся отъ него и весь родъ Адамовъ стали *причастниками этой закваски*» [5]). «Чрезъ преслушаніе перваго человѣка мы приняли въ себя чуждое нашему естеству зло страстей, которое и обратили какъ бы въ нашу природу (ὥσπερ φύσιν ἡμῶν» [6]).

До какой, однако, *степени простирается это наслѣдственное, отъ Адама, поврежденіе нашей природы?* Хотя «лукавый князь облекъ грѣхомъ душу и *весь ея составъ* (ὅλην τὴν ὑπόστασιν αὐτῆς), и *всю* ее осквернилъ, *всю* плѣнилъ» [7]), хотя онъ «осквернилъ и увлекъ *всего* человѣка,

---

[1]) Homil. XI, 5.

[2]) Homil. XXX, 8.

[3]) Homil. XV, 35. Ср ibid. n. 21. «Грѣхъ течетъ въ сердцѣ, какъ струя воды въ трубѣ».

[4]) Homil. XX, 4.

[5]) Homil. XXIV, 2.

[6]) Homil. IV, 8.

[7]) Homil. II, 1.

душу и тѣло, и облекъ человѣка въ человѣка ветхаго», хотя «грѣхъ *примѣшался къ душѣ* (τῇ ψυχῇ μεμιγμένη), но у обоихъ (у грѣха и души) — *своя собственная природа* (ἐχούσης ἑκάστης ἰδίαν φύσιν)» [1]). Ибо душа создана по образу и подобію Божію, и грѣхъ къ ней именно «примѣшался», а не исходитъ изъ ея существа, созданнаго «по образу добродѣтелей Духа» [2]), по образу Христа [3]). «Душа не отъ естества Божія и не отъ естества лукавой тьмы, но есть твореніе умное, свѣтлое, великое и чудное, прекрасное *подобіе и образъ* Божій (ὁμοίωμα καὶ εἰκὼν Θεοῦ) и лукавство темныхъ страстей вошло въ нее чрезъ преступленіе» [4]). Сущность богоподобной человѣческой природы не уничтожилась въ насъ отъ Адамова преступленія. Правда, «преступивъ заповѣдь, Адамъ погибъ двояко: во-первыхъ онъ утратилъ *достояніе* своей *природы* (τὸ κτῆμα τῆς φύσεως αὐτοῦ) чистое, прекрасное, созданное по образу Божію, во-вторыхъ *утратилъ и самый образъ* (ἀπόλεσεν αὐτὴν τὴν εἰκόνα). Если поддѣлана (παραχαραγῇ) монета, имѣющая царское изображеніе, то и золото пропадаетъ и царское изображеніе не дѣлаетъ ее цѣнною (οὐ χρησιμεύει); то же потерпѣлъ и Адамъ [5])... *Не говоримъ, что все погибло*, уничтожилось и умерло; (для жизни) отъ Бога— умерло, живетъ же *собственною природою*... и Богъ, хотя взираетъ на отступниковъ отъ Его слова и заповѣди, но презираетъ ихъ, и Господь не творитъ тамъ общенія и не покоится въ ихъ помыслахъ» [6]). Итакъ Адамъ утратилъ прекрасное «достояніе» своей природы, т. е. то, что имѣлъ въ

---

[1]) Ibid. n. 2.

[2]) Homil. XLVI, 5: κατὰ τὴν εἰκόνα τῶν ἀρετῶν τοῦ Πνεύματος.

[3]) Homil. XXX, 2. Христосъ «возлюбилъ родъ человѣческій ὡς ἰδίαν εἰκόνα» (см. это мѣсто въ цѣломъ выше, при изложеніи ученія о Св. Духѣ, какъ «жизни души», напечатлѣвающемъ въ ней образъ Христа).

[4]) Homil. I, 7.

[5]) Homil. XII, 1. Въ чемъ состояла поддѣлка монеты у древнихъ: въ примѣси ли другихъ металловъ къ золоту или въ чемъ другомъ, мы не знаемъ, хотя и полезно бы знать для уясненія приведеннаго сравненія. Судя по наименованію грѣха «примѣшавшимся» къ душѣ нужно полагать, что древніе фальшивые монетчики прибѣгали въ своихъ операціяхъ къ примѣсямъ. Тогда будетъ понятно, почему у нихъ гибнетъ золото, если при этомъ еще предположить, что древніе не умѣли химически разлагать смѣси.

[6]) Ibid. n. 2. Οὐ λέγομεν δὲ ὅτι ἀπώλετο τὸ ὅλον καὶ ἠφανίσθη καὶ ἀπέθανεν· ἀπὸ τοῦ Θεοῦ ἀπέθανεν, τῇ δὲ ἰδίᾳ φύσει ζῇ.

ея благоустройствѣ и чистотѣ, или извѣстное ея «состояніе»,—то, что другіе св. отцы называли «подобіемъ» Божіимъ и что доселѣ носитъ это наименованіе,—и затѣмъ «утратилъ и самый образъ», т. е. не богоподобныя черты своей природы, а «небесный образъ», состоящій въ печати Слова и Духа, пребывавшихъ въ душѣ Адама и запечатлѣвавшихъ ее на подобіе царскаго изображенія на монетѣ [1]). По всему видно, что пр. Макарій не различалъ выраженій «образъ и подобіе», а употреблялъ первое въ обширномъ смыслѣ, включавшемъ и значеніе втораго, т. е. слово образъ—и въ значеніи подобія, какъ въ приведенномъ мѣстѣ. [2]) Въ противномъ случаѣ, при ограниченіи понятія «образъ» чертами человѣческой природы, богоподобной въ самыхъ ея силахъ (умъ, воля), или при употребленіи слова образъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, слѣдовало бы—изъ выраженій: Адамъ «утратилъ самый образъ», «и свой собственный и небесный образъ» — заключить, что Адамъ, а вмѣстѣ съ нимъ и мы, въ его паденіи, потеряли «все». Между тѣмъ пр. Макарій какъ здѣсь сейчасъ же оговаривается, что онъ не утверждаетъ, будто «все» доброе въ нашей природѣ погибло, съ паденіемъ Адама, такъ еще болѣе выразительно даетъ понять то же самое слѣдующими подобіями и сравненіями. Образы души пораженной грѣхомъ—евангельскіе кровоточивая жена и слѣпой. «Какъ тамъ (въ Евангеліи) жена, хотя не могла исцѣлиться и оставалась изъязвленною, однако имѣла ноги, чтобы придти къ Господу и пришедши получить исцѣленіе, и подобнымъ же образомъ

---

[1]) Понимать такъ уполномочиваетъ и связь рѣчи. За словами: «утратилъ и самый *образъ*» непосредственно слѣдуютъ слова: «если поддѣлана монета, имѣющая царское *изображеніе*»... Дальнѣйшее разсужденіе о «*небесномъ* образѣ» (п. 6, см. слѣд. прим.), а также вся совокупность представленій о состояніи падшаго человѣка располагаютъ къ тому же.

[2]) Ср. Ibid. п. 6. Здѣсь «самый образъ» называется «*небеснымъ* образомъ», а «достоявіе природы» «*собственнымъ своимъ* образомъ». N. 6 начинается вопросомъ: „Такъ какъ Адамъ утратилъ и *собственный* свой и *небесный* образъ (καὶ τὴν ἰδίαν εἰκόνα καὶ τὴν ἐπουράνιον ἀπώλεσεν), слѣдовательно, если онъ былъ причастникомъ *небеснаго* образа (οὐκοῦν εἰ ἐκοινώνησε τῇ εἰκόνι τῇ ἐπουρανίῳ), то имѣлъ ли онъ Духа Св.“? Изъ формы вопроса, а еще болѣе изъ отвѣта (который приведенъ въ началѣ настоящаго трактата, въ прим. 2) ясно видно, что подъ «небеснымъ образомъ» разумѣлось почивавшее на Адамѣ Слово и вопросъ состоялъ въ томъ, не слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ Словомъ разумѣть и Духа Св., на что и отвѣчено утвердительно.

и тотъ слѣпой, хотя, по причинѣ слѣпоты, не могъ достигнуть и придти ко Господу, однако послалъ голосъ, быстрѣйшій вѣстниковъ... и получилъ исцѣленіе; такъ и душа, хотя изъязвлена язвами постыдныхъ страстей, хотя ослѣплена грѣховною тьмою, но *вмѣстѣ съ тьмъ имѣетъ волю* (ἀλλ' ὅμως ἔχει θέλημα) *взывать* и *звать* Іисуса, чтобы пришедши сотворилъ Онъ душѣ вѣчное избавленіе. Какъ тотъ слѣпой, если бы не возопилъ, и та кровоточивая, если бы не пришла ко Господу, не получили бы исцѣленія, такъ если кто *по собственной волѣ* и отъ *всего произволенія* (ἐκ τοῦ ἰδίου θελήματος καὶ ὅλης προαιρέσεως) не приступитъ ко Господу и не будетъ просить его съ *полною вѣрою* (μετὰ πληροφορίας πίστεως), не получитъ исцѣленія» [1]). Падшую душу можно сравнить еще съ лежащимъ въ болѣзни тѣломъ человѣка, умъ котораго однако не остается въ покоѣ, заботится о лѣченіи, а также съ дитятей, не могущимъ еще ходить, но обращающимъ на себя вниманіе и попеченіе матери движеніями, крикомъ и плачемъ. «Такъ и душа, преступленіемъ заповѣди подвергшая себя немощи страстей, хотя, лежа въ *древней* болѣзни (ἐν τῇ παλαιᾷ ἀσθενείᾳ), не можетъ по истинѣ совершать дѣла жизни, однако все-таки должна и *можетъ* (ἔχει καὶ δύναται) имѣть усиленное попеченіе о жизни, молить Господа, искать истиннаго Врача» [2]). «И невѣрно говорятъ нѣкоторые, введенные въ обманъ *лжеученіемъ, что человѣкъ совершенно умеръ и совершенно не можетъ дѣлать ничего добраго*. Хотя младенецъ ничего не можетъ дѣлать, или не въ состояніи собственными ногами идти къ матери, тѣмъ не менѣе онъ *двигается, кричитъ, плачетъ*, ища матери; и мать сжаливается надъ нимъ», подходитъ къ нему, «беретъ, ласкаетъ, кормитъ его». «Тоже дѣлаетъ и человѣколюбивый Богъ съ душею, которая приступаетъ и сильно къ Нему стремится» [3]). Такимъ образомъ, человѣкъ не совершенно умеръ для добра: у него осталось стремленіе къ истинному благу и желаніе удалиться отъ зла и грѣха,—стремленіе правда, само по себѣ, безсильное. «Невозможно разлучить душу съ грѣхомъ, если Богъ не утишитъ и не остановитъ

---

[1]) Homll. XX, 7. 8.

[2]) Homil XLVI, 2.

[3]) Ibid. n. 3. Καὶ οὐχ ὡς τινές φασι κακοδιδασκαλίαις ὑπαγόμενοι, ὅτι καθάπαν ἀπεθάνεν ὁ ἄνθρωπος, καὶ ὅλως οὐ δύναταί τι ἀγαθὸν διαπράξασθαι. Καὶ γὰρ τὸ βρέφος κἂν μηδὲν ἰσχύῃ διαπράττεσθαι...

этого лукаваго вѣтра, обитающаго въ душѣ и тѣлѣ. Какъ иной, видя летающую птицу, и самъ хочетъ летать, но, не имѣя крыльевъ, летать не можетъ; такъ и человѣку *предоставляется власть* быть чистымъ *...но силъ на это у него нѣтъ*» [1]). «Душа *можетъ противиться грѣху*, но побѣдить или искоренить зло безъ Бога не можетъ» [2]).

Не всѣ приведенныя мѣста относятся къ состоянію невозрожденнаго человѣка; нѣкоторыя, — въ особенности послѣднія, — имѣютъ въ виду человѣка уже возрожденнаго св. таинствами церковными, но между тѣми и другими — нѣтъ большого различія, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ св. отецъ разсматриваетъ человѣка самого по себѣ, отрѣшенно отъ дѣйствія на него благодати, и говоритъ, что̀ мы представляемъ въ этомъ отношеніи, т. е. какъ чада древняго Адама. Наслѣдственное поврежденіе нашей природы весьма глубоко и тяжко, но хотя оно обнимаетъ всего человѣка съ тѣломъ его и душею и со всѣмъ ея «составомъ», однако въ насъ есть и остатки «добра», именно — въ стремленіи къ истинному благу и въ желаніи освободиться отъ грѣха, безъ силъ, впрочемъ, осуществить эти благіе порывы и стремленія. Слѣдовательно благодати Божіей есть къ чему привиться.

Относительно дѣйствія благодати въ первомъ, начальномъ моментѣ спасенія, у пр. Макарія находимъ очень немного данныхъ. Встрѣчаются только указанія на всеобщность дѣйствія благодати, на дѣйствіе ея не только чрезъ посредство евангельской проповѣди но и — непосредственное, на возбужденіе благодатію даже первоначальной вѣры — «отъ произволенія».

«Какъ въ неводъ попадаются многіе виды рыбъ и негодныя тотчасъ опять бросаются въ море, такъ и *неводъ благодати распростирается на всѣхъ* (ἐπὶ πάντας) и ищетъ успокоенія (всѣхъ); но *люди не повинуются*, а потому снова ввергаются въ ту же глубину тьмы» [3]). «Какъ земледѣлецъ, держа пару воловъ, воздѣлываетъ землю, такимъ же образомъ и Господь Іисусъ, благій и истинный воздѣлыватель земли, совокупивъ апостоловъ по — два, послалъ ихъ, *Самъ* вмѣстѣ

---

[1]) Homil. II, 3: οὕτω καὶ τῷ ἀνθρώπῳ, τὸ μὲν θέλειν παράκειται τοῦ εἶναι καθαρόν... τὸ δύνασθαι δὲ οὐκ ἔχει.

[2]) Homil. XXVII, 22. Τὸ μὲν γὰρ ἀντιλέγειν τῇ ἁμαρτίᾳ δύναται ἡ ψυχή, ἄνευ δὲ Θεοῦ νικῆσαι ἢ ἐκριζῶσαι τὸ κακὸν οὐ δύναται.

[3]) Homil. XV, 52.

съ ними *воздѣлывая землю слушающихъ* и истинно вѣрующихъ. Но кромѣ того, достойно упоминанія и то, что царствіе Божіе и апостольская *проповѣдь—не въ одномъ только словѣ слуха*, такъ чтобы кто-либо умѣлъ только говорить и передавать другимъ, а царствіе—въ *силѣ и дѣйствованіи Духа*». Доказательство—«сыны Израиля, всегда тщательно изучавшіе Писанія и конечно озабоченные мыслію о Господѣ, не принявшіе однако самой Истины» [1]). Здѣсь не отрицается дѣйствіе благодати чрезъ евангельскую проповѣдь (I. Христосъ и апостолы бросаютъ благодатныя сѣмена въ землю сердца), но одного этого дѣйствія благодати, чрезъ слухъ, недостаточно, а нужно еще и непосредственное дѣйствіе благодатной силы Духа Св. на сердце [2]),—силы, которая, по общему святоотеческому воззрѣнію, сообщается только достойнымъ, т. е. имѣющимъ благое произволеніе. «Самъ» Господь «производитъ въ насъ и благую отъ произволенія вѣру и готовность, а исправленіе (даже)—всецѣло» [3]).

---

[1]) Homil. XXVIII, 7... Πλὴν καὶ τοῦτο εἰπεῖν ἄξιον, ὡς οὐκ ἐν λόγῳ μόνῳ ἀκοῆς ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ καὶ τὸ τῶν ἀποστόλων κήρυγμα, ὡς ἄν τις εἰδὼς λόγους καὶ ἑτέροις ἐκδιηγούμενος, ἀλλ' ἐν δυνάμει καὶ ἐνεργείᾳ Πνεύματος ἡ βασιλεία τυγχάνει.

[2]) Подобное мѣсто, правда ближайшимъ образомъ относящееся къ состоянію преспѣянія человѣка-христіанина, находится въ Homil. XXVII, n. 20. «Человѣкъ не тотчасъ какъ услышитъ слово Божіе дѣлается уже достойнымъ благой части». Въ такомъ случаѣ не было бы ни подвиговъ, ни борьбы. «Не такъ происходитъ это дѣло. Говоря такъ, ты отнимаешь у человѣка волю... Мы же говоримъ, что слушающій слово приходитъ въ сокрушеніе и потомъ, такъ какъ благодать по домостроительству для пользы человѣка, *устраняется* отъ него (ὑποστέλλούσης τῆς χάριτος), вступаетъ въ борьбу и упражненіе въ брани, борется и подвизается противъ сатаны, и послѣ многаго состязанія и борьбы одерживаетъ побѣду и дѣлается *христіаниномъ* (χριστιανός). А если бы слышаніемъ только, безъ труда кто-либо достигалъ блага, то и актеры (οἱ θεατρικοὶ) и всѣ блудники вошли бы въ царство и жизнь». Далѣе (n. 21) замѣчаетъ: „Если бы безъ труда можно было исправиться (κατορθῶσαι), то *христіанство* не было бы камнемъ претковенія и камнемъ соблазна». Правда, и по контексту и по прямому заявленію (ibid. n. 23) о томъ, что̀ пр. Макарій «называетъ христіанствомъ», все это мѣсто, какъ мы замѣтили, относится къ преспѣянію христіанина, но указаніе на древнихъ актеровъ, принимавшихъ на себя роль христіанъ для ихъ осмѣянія, а равно и общая мысль о христіанствѣ, какъ камнѣ соблазна для древняго міра, дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что св. отецъ здѣсь обобщалъ свою мысль, простирая свой взоръ и на начало, завершеніемъ котораго былъ ближайшій предметъ его рѣчи, т. е. преспѣяніе.

[3]) Homil. IV, 17: καὶ τὴν ἐκ προαιρέσεως ἀγαθὴν πίστιν, καὶ προ-

Дѣйствіе благодати, очищающей отъ грѣховъ и возрождающей *въ крещеніи*, изображается въ слѣдующихъ мѣстахъ, имѣющихъ характеръ аллегорическаго изъясненія ветхозавѣтныхъ мѣстъ Писанія.

«*Апостолы*, сдѣлавшись свѣтомъ (для міра), послуживъ свѣтомъ для вѣровавшихъ, просвѣтивъ сердца ихъ тѣмъ небеснымъ свѣтомъ Духа, которымъ были просвѣщены сами» [1]), «всякую душу улучшали и осоляли *солію Духа*... всякая душа, не осоленная Св. Духомъ, непричастная небесной соли, т. е. Божіей силы, загниваетъ и наполняется большимъ зловоніемъ лукавыхъ помысловъ» [2]). Процессъ приготовленія души какъ бы въ жертву Богу состоитъ въ закланіи ея (умерщвленіи), осоленіи и возложеніи на огонь. «Итакъ нужно, чтобы сперва *заклалъ ее* (жертву) *іерей* и она умерла, а потомъ чтобы разсѣченная на части она была осолена и наконецъ возложена на огонь... Такъ и наша душа, приступая къ истинному архіерею Христу, должна быть отъ Него закланною и умереть для (своего) мудрованія и худой жизни, какою жила, т. е. для грѣха». Какъ по выходѣ души изъ тѣла оно умираетъ и не живетъ тою жизнью, какою жило, «такъ, когда небесный архіерей *Христосъ благодатію своей силы* (τῇ χάριτι τῆς δυνάμεως αὐτοῦ) *предастъ закланію* и умертвитъ въ душѣ жизнь для міра, она умираетъ для той лукавой жизни, какою жила... *лукавство страстей, какъ душа ея, выходитъ* изъ нея *по благодати* (διὰ τῆς χάριτος ἐξέρχεται)». Въ душѣ, бывшей дотолѣ «тѣломъ тьмы», Духъ Св. дѣлается «*душею свѣта*» [3]). Св. отецъ не продолжаетъ

θυμίαν, τὴν δὲ κατόρθωσιν πᾶσαν αὐτὸς ἐν ἡμῖν ἐργάζεται. И здѣсь мы должны сказать тоже, что въ предшествующемъ примѣчаніи, т. е. что и здѣсь, хотя ближайшимъ образомъ идетъ рѣчь о преуспѣяніи въ христіанской жизни, но въ оборотѣ греческой фразы чувствуется обобщеніе. Ср. Homil. XV 22: «кто любитъ Бога, тому и Онъ сообщаетъ свою любовь: кто однажды увѣровалъ въ Бога, тому прилагаетъ *небесную вѣру* и человѣкъ дѣлается *сугубымъ* (διπλοῦς)». Здѣсь, впрочемъ, идетъ рѣчь о высшемъ видѣ вѣры, т. е. о томъ видѣ, который св. отцы называли вѣрою отъ Бога.

[1]) Homil. I. 4.

[2]) Ibid. n. 5.

[3]) Ibid. n. 6. То же можетъ относиться и къ состоянію преуспѣянія человѣка, такъ какъ „выходъ страстей“ изъ души,—правда выходъ *окончательный*,—представляется обыкновенно пр. Макаріемъ какъ высшая степень совершенства, достигаемая въ концѣ земного поприща.

параллели жертвы и души: осоленія (о которомъ онъ, впрочемъ, сказалъ достаточно прежде) и возложенія на огонь. Если продолжить его рѣчь, на основаніи другихъ параллельныхъ мѣстъ, то процессъ очищенія и возрожденія души, въ начальномъ его актѣ, можно представить въ такомъ видѣ: сначала смерть со Христомъ для прежней жизни (закланіе), потомъ очищеніе отъ грѣховныхъ скверн солію Духа (осоленіе) и наконецъ проникновеніе души небеснымъ огнемъ (возложеніе на огонь) благодати Христовой, ибо «благодать есть небесный внутри тебя огонь» [1]), и Христосъ есть именно «божественный огонь», которымъ «воспламеняются христіане» [2]). Замѣчательно, что въ одномъ мѣстѣ, говоря о крещеніи, пр. Макарій выражается такъ: «крещеніе огнемъ и Духомъ очищаетъ и омываетъ осквернённый умъ» [3]). Не потому ли слово «огнемъ» поставлено здѣсь прежде слова «Духомъ», что подъ огнемъ разумѣется Христосъ, или «божественный огонь—Сынъ Божій»?

Но особенно замѣчательно слѣдующее аллегорическое изображеніе процесса спасенія съ начала его и до конца—подъ образомъ выхода израильтянъ изъ Египта, странствованія въ пустынѣ и вступленія въ землю обѣтованную. Состояніе души *до возрожденія* подобно рабству израильтянъ въ Египтѣ [4]). Богъ посылаетъ душѣ «духовнаго Моисея» тогда, когда она

---

[1]) Homil. XL, 7: ἡ χάρις τὸ πῦρ τὸ οὐράνιον καὶ ἐσωθέν σού ἐστι.

[2]) Homil. XLIII, 1. «Какъ многіе свѣтильники и лампады воспламеняются и зажигаются огнемъ... тѣмъ, что—одной и той же природы, такъ и христіане воспламеняются и свѣтятъ однимъ и тѣмъ же естествомъ, божественнымъ *огнемъ*, *Сыномъ Божіимъ*».

[3]) Homil. XXXII, 4. «Тамъ (въ ветхоз. обрѣзаніи) омывалось тѣло, здѣсь же *крещеніе огнемъ и Духомъ* (βάπτισμα πυρὸς καὶ Πνεύματος) очищаетъ и омываетъ осквернённый умъ». Здѣсь же (нѣсколько выше) встрѣчается выраженіе, что съ пришествіемъ Христа совершилось то, чего не могъ сдѣлать Моисей, именно: „силу лукавой тьмы сокрушилъ *Духъ отъ Духа и Огнь отъ Огня*“. Не указываютъ ли эти выраженія на Духа Христова, на *сошествіе* Христово въ день воскресенія (Духъ отъ Духа) и на ниспосланіе Христомъ Духа въ день пятидесятницы въ видѣ огненныхъ языковъ (огнь отъ огня)?

[4]) Homil. XLVII, 6. Здѣсь изображается состояніе человѣка послѣ „преслушанія“, т. е. паденія въ Адамѣ,—состояніе дохристіанскаго міра, когда «человѣкъ-израиль сдѣлался рабомъ истиннаго фараона» (грѣха и діавола). Затѣмъ сейчасъ же слѣдуетъ п. 7, гдѣ изображаются дѣянія „духовнаго Моисея“—Христа.

«*вопіетъ и стенаетъ*» отъ рабства грѣху [1]). Прежде выхода изъ этого рабства нужно, чтобы «кровію (Христовою) были помазаны *пороги сердца* (ἐπὶ τῶν φλιῶν τῆς καρδίας)», а къ вкушенію Агнца душа «*приготовлена была всемѣрно, насколько ей возможно*, добрыми дѣлами», подобно тому какъ израильтяне предъ вкушеніемъ агнца приготовляли горькія травы, препоясывали чресла, обували ноги и брали въ руки жезлы [2]). Далѣе, какъ израильтянами «снѣдался агнецъ къ вечеру, а вечернее время есть средина между свѣтомъ и тьмою, такъ и *душа предъ симъ избавленіемъ* бываетъ *между свѣтомъ и тьмою*, благодаря присущей силѣ Божіей, не дозволяющей тьмѣ овладѣть душею и поглотить ее. И какъ Моисей сказалъ: это ночь обѣтованія, такъ и Христосъ... наименовалъ это днемъ избавленія. Тамъ ночь воздаянія, здѣсь день избавленія, и справедливо, потому что все тамъ было образомъ и тѣнью истины и таинственно, въ прообразахъ предначертывало истинное *спасеніе души*, которая была заключена во тьмѣ, связана и сокрыта въ ровѣ преисподнемъ и не могла освободиться безъ искупленія Христова» [3]). «Итакъ (Богъ) изводитъ *душу* изъ Египта и изъ этой работы, при исходѣ избивъ его первенцевъ, ибо *нѣкоторая часть* (μέρος τι) *силы* истиннаго фараона *падаетъ*». Подобно израильтянамъ, выходящимъ изъ Египта и берущимъ у египтянъ золотые и серебреные сосуды, «душа, исходя изъ тьмы, беретъ (съ собою) серебреные и золотые сосуды, т. е. собственные добрые помыслы, седмерицею разженные (очищенные?) которые служатъ Богу и въ которыхъ Онъ упокоевается» [4]).

Все это изображеніе аллегорическаго характера даетъ понять, что выходъ души изъ состоянія рабства грѣху условливается пробужденіемъ въ ней сознанія грѣховности (душа «вопіетъ и стенаетъ»), начинается же собственно посланіемъ «духовнаго Моисея», очищеніемъ силою Божіею части души отъ злыхъ помысловъ (избіеніе первенцевъ египетскихъ), предварительнымъ воздѣйствіемъ благодати на сердце (помазаніе «пороговъ сердца»), а со стороны человѣка—предуготовле-

---

[1]) Ibid. n. 7.

[2]) Ibid. n. 8. Ἐὰν γὰρ μὴ πρότερον γένηται ἡ ψυχὴ παρασκευασμένη πανταχόθεν δι' ἔργων ἀγαθῶν, ὅσον ἐστὶν ἐν αὐτῇ, οὐ δίδοται αὐτῇ φαγεῖν ἀπὸ τοῦ ἀρνίου.

[3]) Ibid. n. 9.

[4]) Ibid. n. 10.

ніемъ добрыми дѣлами къ окончательному выходу (взятіе сосудовъ и другія приготовленія къ вкушенію Агнца), словомъ — «предочищеніемъ» и «предуготовленіемъ», какъ выражались другіе св. отцы. Этотъ приготовительный періодъ характеризуется какъ состояніе переходное — между тьмою и свѣтомъ: тьма еще облегаетъ душу, но уже присуща ей и сила Божія, охраняющая ее отъ поглощенія тьмою. Здѣсь дается понять, что сила Божія и въ самомъ началѣ процесса спасенія дѣйствуетъ всемощно, но въ союзѣ съ человѣческими силами.

Не останавливаясь на актѣ избавленія, чрезъ закланіе и вкушеніе агнца, св. отецъ прямо переходитъ къ послѣдующему, послѣднему моменту спасенія — усовершенствованію христіанина. Сыны израилевы, совершивъ Пасху, идутъ въ путь. «Пріявъ жизнь Духа Св., вкусивъ Агнца, помазавшись Его кровію, вкушая истинный хлѣбъ — Слово живое, *душа преуспѣваетъ* (προκόπτει. Столпъ огненный и столпъ облачный, охраняя, предшествуетъ тѣмъ (израильтянамъ): Духъ Св. подкрѣпляетъ этихъ (христіанъ), согрѣвая и руководя душу въ чувствѣ» [1]). Фараонъ и египтяне устремляются на убѣжавшихъ отъ нихъ израильтянъ. «Когда душа убѣгаетъ отъ египтянъ, приходящая сила Божія помогаетъ, путеводя ее къ истинѣ. Духовный же фараонъ, царь грѣховной тьмы» устремляется на убѣгающую отъ него душу и, «въ надеждѣ на то, что она опять къ нему возвратится», «преслѣдуетъ ее скорбями, искушеніями и невидимыми брапями» [2]). Душа въ смертельномъ страхѣ: «не въ силахъ она идти назадъ, видя готовыхъ враговъ, ни простираться впередъ... И когда Богъ видитъ, что душа падаетъ оть боязни смертной и что врагъ готовъ поглотить ее, тогда подаетъ *малую* помощь (μικρὰν βοήθειαν), *медленно* дѣйствуя на душу (μακροθυμῶν ἐπὶ τὴν ψυχήν), испытывая ее, тверда ли она въ вѣрѣ и имѣетъ ли любовь къ Нему», пока еще не выводя ее изъ скорбей. Ибо таковъ опредѣленный Богомъ путь, вводящій въ жизнь, и когда душа совершитъ этотъ путь, полный безмѣрной скорби, имѣя предъ глазами смерть, тогда «рукою крѣпкою и мышцею высокою, озареніемъ Св. Духа разрываетъ она силу тьмы, минуетъ страшныя мѣста, преходитъ море тьмы и всепожираю-

---

[1]) Ibid. n. 11.
[2]) Ibid. n. 12.

щаго огня» [1]). Тогда-то она «бываетъ утѣшена Богомъ и упокоевается въ Господѣ. Тогда Духъ, котораго она приняла (въ себя), воспѣваетъ Богу пѣснь новую тимпаномъ, т. е. тѣломъ, и гуслями, т. е. душею, на словесныхъ струнахъ и тончайшихъ помыслахъ, посредствомъ *смычка* божественной *благодати* (τοῦ πλήκτρου τῆς θείας χάριτος) и возсылаетъ хвалы животворителю Христу» [2]). Подобно Моисею, вложившему дерево въ горькія воды Мерры для ихъ услажденія, «Богъ влагаетъ древо жизни въ горькій источникъ сердца и душа услаждается, отлагая свою горечь и *растворяясь Духомъ Христовымъ* (συγκιρνωμένη τῷ Πνεύματι τοῦ Χριστοῦ), и такимъ образомъ, сдѣлавшись благопотребною, выступаетъ на служеніе своему Владыкѣ, ибо дѣлается *духомъ плотоносящимъ* (πνεῦμα σαρκοφόρον)» [3]).

Въ заключеніе обозрѣвая все, что Богъ совершаетъ для спасенія души, съ самаго начала ея обращенія и возрожденія и до конца ея подвига, замѣчаетъ: Богъ «очищаетъ ее отъ скверны и, омывая отъ очерненія и срамоты ея, дѣлаетъ свѣтлою, оживотворяетъ отъ мертвенности, исцѣляетъ отъ сокрушенія и умиротворяетъ, прекращая ея вражду. Будучи тварію, она уготовляется въ невѣсту Сыну Цареву; Богъ принимаетъ ее, *мало-по-малу изминяя* ее *собственною силою* (τῇ ἰδίᾳ αὐτοῦ δυνάμει... κατὰ μικρὸν συμμεταβαλλόμενος), пока не возраститъ до собственнаго своего возраста, влечетъ и расширяетъ ее до *безпредѣльнаго* и *безмѣрнаго* возрастанія, пока она не содѣлается непорочною и достойною Его невѣстою. Сперва *рождаетъ* ее въ Себѣ самомъ (ἐν ἑαυτῷ) и Собою (δι' ἑαυτοῦ) *возращаетъ*, пока она не приметъ совершенной мѣры любви Его» [4]).

Здѣсь выражены вкратцѣ всѣ главнѣйшія мысли и положенія относительно дѣйствія благодати для преуспѣянія человѣка, въ союзѣ съ слабыми, изнемогающими его силами. Задача благодати послѣ крещенія — постепенно, «мало-помалу измѣнить» человѣческую душу, очистивъ ее совершенно отъ гнѣздящагося въ ней грѣха и «растворивъ ее Духомъ Св.»,

---

[1]) Ibid. n. 13.

[2]) Ibid. n. 14.

[3]) Ibid. n. 15. Представленіе о „растворенiи Духомъ“ есть, какъ увидимъ далѣе, одно изъ любимыхъ выраженій и представленій пр. Макарія.

[4]) Ibid. n. 17.

такъ чтобы не осталось въ ней ничего грѣховнаго, чтобы «вся» она, принявъ «всего» Духа и вообразивъ въ себѣ «всего» Христа, сочеталась съ Нимъ въ неразрывный союзъ — «душа въ душу, ипостась въ ипостась». Все это подробно и развивается во многихъ изъ бесѣдъ пр. Макарія.

Появленіе грѣха въ насъ послѣ крещенія. — Послѣ крещенія человѣческая природа остается неизмѣнною въ индивидуальныхъ своихъ особенностяхъ и удерживаетъ въ себѣ корни грѣха. «Чтобы и послѣ благодати (μετα τὴν χάριν, т. е. послѣ крещенія) испытываема была воля, къ чему она склонна и съ чѣмъ согласна, *естество остается такимъ же* (ἐν ταυτότητει ἡ φύσις): человѣкъ суровый — суровымъ, мягкій — мягкимъ» [1]). Нельзя думать, что если «Господь, пришедши, осудилъ грѣхъ крестомъ, то нѣтъ его уже внутри (человѣка)», что если «пришествіемъ Христовымъ грѣхъ осужденъ, (то) и послѣ крещенія зло уже не имѣетъ пажити, чтобы разглагольствовать въ сердцѣ... И *послѣ крещенія* (καὶ μετὰ τὸ βάπτισμα) *разбойникъ* имѣетъ мѣсто (пажить), чтобы войти и дѣлать, что̀ хочетъ» [2]). «Многіе, при присущей имъ благодати, не знаютъ, что они окрадены грѣхомъ», между тѣмъ «страшный змій грѣха *сопребываетъ съ душею* (συνέστι τῇ ψυχῇ), соблазняетъ ее» [3]). «Душу и примѣшавшійся грѣхъ (τὴν ἁμαρτίαν μιγεῖσαν) уподобляемъ великому дереву, имѣющему много вѣтвей, а корни въ глубочайшихъ (нѣдрахъ) земли. Такъ и вошедшій (въ душу) грѣхъ, овладѣвъ пажитями ея глубочайшихъ тайниковъ, обратился въ *привычку*» [4]). Хотя негодныя вѣтви и многіе корни этого дерева посѣкаются крещеніемъ, но нѣкоторые корни остаются, скрываясь въ глубинахъ души. Благодатнымъ дѣйствіемъ крещенія нельзя совершенно уничтожить всѣ эти корни, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ скрываются во глубинѣ человѣческой свободной воли. Уничтожить ихъ, безъ уничтоженія человѣческой свободы, невозможно, подобно тому какъ было

---

[1]) Homil. XXVI, 5.

[2]) Homil. XV, 14—15.

[3]) Ibid. n. 28. Ср. Homil. VIII, 5. Хотя человѣкъ и достигъ, повидимому, совершенства, „доходитъ до тайнъ и откровеній, до великаго услажденія благодатію, однако вмѣстѣ съ тѣмъ и грѣхъ *сопребываетъ* еще внутри его (ὅμως καὶ ἡ ἁμαρτία σύνεστιν ἀχμὴν ἔσω)“.

[4]) Homil. XLI, 1.

невозможно устранить возможность грѣхопаденія нашихъ прародителей, при сохраненіи ихъ свободы. Корни грѣха, остающіеся и послѣ крещенія,—это возможность грѣха и предрасположеніе къ нему (отъ унаслѣдованнаго и пріумноженнаго нами навыка—срав. св. Григорія Нисскаго). Хотя св. отецъ и не выражаетъ нигдѣ, буквально, только что изложенныхъ нами мыслей, но совокупность его представленій о нашемъ грѣховномъ состояніи, послѣ крещенія, даетъ намъ право такъ именно формулировать его представленіе о данномъ предметѣ. Въ человѣкѣ возрожденномъ «источникъ изливаетъ чистую воду, а *подъ нимъ лежитъ тина* (ὑπόκειται βόρβορος)» [1]). «Змій таится *подъ самымъ умомъ* (τὸν κατώτερον τοῦ νοῦ), во глубинѣ помысловъ, гнѣздится и умерщвляетъ тебя въ такъ называемыхъ тайникахъ и хранилищахъ души, ибо сердце есть бездна» [2]). «И въ благодати Божіей пребывающіе *во глубинѣ* (ἐν βάθει) одержимы грѣхомъ... не всецѣло въ добрѣ (μὴ ὄντες τοῦ ἀγαθοῦ ὁλοτελῶς)» [3]). А потому нельзя думать, будто «въ тѣхъ, въ которыхъ *отчасти* (μερικῶς) дѣйствуетъ благодать, грѣха уже нѣтъ» [4]). Мало того, даже и тѣ, «которые во глубинѣ (души) держатся доброй части, разумѣю благодать, остаются еще рабами и плѣнниками лукавыхъ помысловъ и части зла» [5]). «Бываетъ, что въ иномъ есть благодать, а сердце еще не очищено. Потому и падали падавшіе; они не вѣрили, что съ благодатію *сопребываютъ* (συνεῖναι) *дымъ и грѣхъ*» [6]).

Какъ же именно сопребываютъ въ насъ благодать и зло, грѣхъ? Зло «въ насъ дѣйствуетъ со всею силою и ощутительностью... однако *не растворено* (οὐ συνεκράθη) съ нами такъ, какъ говорятъ нѣкоторые, подобно смѣшенію (τὴν μίξιν) вина съ водою, а такъ—какъ въ одномъ полѣ (растутъ) и пшеница сама по себѣ и плевелы сами по себѣ или какъ въ одномъ домѣ (находятся) особо разбойникъ и особо гос-

---

[1]) Homil. XVI, 2.

[2]) Homil. XVII, 15.

[3]) Ibid. n. 6.

[4]) Ibid. n. 5.

[5]) Ibid. n. 7. Сравн. приведенное выше мѣсто изъ Homil. VIII, 5 о «сопребываніи грѣха» вмѣстѣ съ благодатію даже въ удостоившихся «тайнъ и откровеній и великаго услажденія благодатію».

[6]) Homil. XXVI, 25.

подинъ дома» [1]). Впрочемъ, зло можетъ возмущать душу,— этотъ, отъ дѣйствія благодати, чистый источникъ, источающій чистую воду, — и тогда «*весь источникъ* дѣлается мутнымъ и душа, когда бываетъ возмущена, *смѣшивается съ порокомъ* (κιρνᾶται τῇ κακίᾳ) и сатана дѣлается чѣмъ-то однимъ съ душею» [2]). Иногда грѣхъ приводитъ всю душу въ смятеніе и колебаніе, подобно жестокому вѣтру, дующему въ темную ночь [3]); «князь міра сего волнуетъ... душу... и какъ пшеницу, непрестанно вращающуюся въ рѣшетѣ, разнообразно волнуетъ человѣческіе помыслы» [4]).

Какимъ образомъ возможно такое одновременное и совмѣстное пребываніе благодати и грѣха въ одной и той же душѣ? На этотъ вопросъ пр. Макарій отвѣчаетъ указаніемъ частію на многосоставность души и глубину ея, частію на неприкосновенность человѣческой свободы, частію на вездѣприсутствіе Божіе, неограниченность Божества и невозможность осквернения его сквернами грѣховными. «Душа имѣетъ много членовъ и великую глубину; привзошедшій въ нее грѣхъ овладѣлъ всѣми ея членами и пажитями сердца. Потомъ, когда человѣкъ взыщетъ благодати, она приходитъ къ нему и овладѣваетъ приблизительно двумя членами души. Человѣкъ неопытный, утѣшаемый благодатію, думаетъ, будто пришедшая благодать овладѣла всѣми частями души и будто грѣхъ искорененъ. Но *большая часть ея обладается грѣхомъ* и только *одна часть* находится *подъ благодатію*» [5]). И это потому, что «природа (наша) воспріимчива (δεκτικὴ) *и для добра и для зла*, и для божественной благодати, и для сопротивной силы, но она не можетъ быть приневоливаема» [6]). «Человѣкъ имѣетъ такую природу, что и тотъ, кто находится во глубинѣ порока и работаетъ грѣху, можетъ обратиться къ добру, и тотъ, кто связанъ Св. Духомъ и упоенъ небеснымъ, имѣетъ власть (ἐξουσίαν) обратиться къ злу» [7]). «*Свобода соприсуща* (σύνεστι τὸ αὐτεξούσιον) и *совершеннымъ* хри-

---

[1]) Homil. XVI, 1.

[2]) Ibid. n. 2.

[3]) Homil. II, 4.

[4]) Homil. V, 2.

[5]) Homil. L, 4... Τὸ πλεῖστον δὲ μέρος τῆς ἁμαρτίας κρατεῖται, καὶ ἓν μέρος ὑπὸ τῆς χάριτος.

[6]) Homil. XV, 25.

[7]) Ibid. n. 36.

стіанамъ, которые плѣнены и упоены добромъ»» [1]). Даже и апостоламъ, «совершеннымъ въ благодати, благодать не препятствовала дѣлать то, что хотѣли, даже если бы они пожелали сдѣлать что-либо неугодное благодати» [2]). А потому, въ существованіи и неприкосновенности человѣческой свободы скрывается возможность паденія даже лицъ, стоящихъ на высотѣ духовнаго совершенства, «плѣненныхъ и упоенныхъ благодатію», т. е. возможность разрастанія зла, возникновенія его изъ глубинъ духа и распространенія въ областяхъ внутренняго человѣка. — Сопребываніе божественной благодати съ грѣхомъ такъ же возможно, какъ присутствіе Божіе въ воздухѣ, гдѣ бываетъ сатана [3]), и благодать отъ присутствія въ душѣ грѣха такъ же мало терпитъ осквернения или ущерба, какъ солнце, освѣщающее мѣста грязныя [4]) или закрываемое облаками [5]). «Тьма объемлется Имъ (Богомъ), но не объемлетъ Его» [6]). Вотъ почему благодать Божія можетъ «соприсутствовать» съ грѣхомъ въ душѣ человѣческой и «ничего отъ того не терпѣть», «ни въ свѣтѣ, ни въ существѣ своемъ» [7]), подобно солнцу.

Человѣческая воля во процессѣ спасенія, какъ необходимое условіе. — Уже изъ сказаннаго выше видно, что человѣческое произволеніе остается неприкосновеннымъ, ненарушимымъ ни въ какомъ случаѣ. Человѣкъ всегда сохраняетъ свободу воли, находится ли онъ подъ владычествомъ грѣха, въ естественномъ состояніи или — подъ дѣйствіемъ и даже господствомъ,

---

[1]) Homil. XXVII, 9.

[2]) Ibid. n. 10.

[3]) Homil. XVI, 6. «Какъ въ воздухѣ есть сатана, и Богъ, тамъ присутствуя, ничего отъ того не терпитъ, такъ и въ душѣ есть грѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ *соприсутствуетъ* и *благодать Божія*, *ничего отъ того не терпя* (ὁμίως δὲ καὶ χάρις Θεοῦ σύνεστι μηδὲν ἀδικουμένη)».

[4]) Homil. VII, 2. «Если это солнце, будучи тварію, освѣщаетъ мѣста грязныя и отъ того не терпитъ вреда, то тѣмъ болѣе Божество, συνὼν τῷ σατανᾷ, οὔτε ῥυποῦται, οὔτε μιαίνεται». Тоже и въ Homil. XVI, 3.

[5]) Homil. XVII, 6. Солнце, закрываемое облаками, «не терпитъ никакого ущерба, ни въ свѣтѣ своемъ, ни въ собственномъ составѣ (τῆς ἰδίας ὑποστάσεως); такъ бываетъ и съ несовершенно очистившимися. Пребывая въ благодати Божіей, а во глубинѣ (души) одержимые грѣхомъ, будучи не совершенно въ добрѣ, они имѣютъ и естественныя движенія и помыслы устремляющіе ихъ къ Богу».

[6]) Homil. XVI, 5.

[7]) См. выше цитатъ изъ Homil. XVII, 6.

преобладаніемъ благодати. Пр. Макарій настаиваетъ на мысли о сохраненіи свободы — въ особенности въ благодатномъ состояніи человѣка, съ цѣлію объяснить возможность паденій подвижниковъ и побудить слушателей къ осторожности, бдительности надъ собою, къ подвигамъ и смиренію. «Просвѣщенные и вкусившіе отпадаютъ. Видишь, что (человѣкъ) имѣетъ *волю согласоваться* съ Духомъ (τοῦ συμφωνῆσαι τῷ Πνεύματι), и имѣетъ волю оскорблять Его» [1]). Даже «связанный (ὁ δεδεμένος) Духомъ Св. и упоенный небеснымъ имѣетъ власть обратиться къ злу... ...И эти самые вкусившіе благодати Божіей и бывшіе причастниками Духа, если не будутъ осторожны, угасаютъ и дѣлаются *хуже того, чѣмъ были* (χείρους οὗ ἦσαν), будучи мірскими. И это не потому, что̀ Богъ измѣняемъ и несиленъ, или что Духъ угасаетъ, но потому, что *сами* люди *не согласуются съ благодатію* (οὐ συμφωνοῦσι τῇ χάριτι), почему и совращаются и впадаютъ въ тысячи золъ» [2]). Даже апостолы, если «не могли согрѣшить», то только «потому, что пребывая во свѣтѣ и *въ такой благодати*, не превозносились»; вообще же «сама человѣческая природа, будучи немощною, имѣетъ *власть* отвращаться отъ сопребывающаго добра... природа *измѣнчива* (τρεπτὴ ἡ φύσις) и по причинѣ *остающагося свободнаго произволенія* (διὰ τὸ παραμένειν τὸ αὐτεξούσιον) кто-либо, если захочетъ, дѣлается сыномъ Божіимъ, или наоборотъ — сыномъ погибели» [3]). А потому даже «апостолы, имѣя въ себѣ Духа Утѣшителя, не были беззаботны»; правда, «сама благодать охраняла ихъ, чтобы они не совратились даже въ чемъ-либо маломъ», но «и сами они, будучи совершенными, *имѣли свободу* творить дѣла праведныя» [4]). И это потому, что благодать, подобно тому, какъ и сопротивная сила, только «побуждаетъ, а не принуждаетъ» — «по причинѣ свободы естества», которую она сохраняетъ ненарушимою — «приходящая къ нему (человѣку) благодать *не связываетъ его волю принуждающею силою* (ἀναγκαστικῇ δυνάμει), и не дѣлаетъ его неизмѣннымъ въ добрѣ, хотя бы онъ хотѣлъ или не хотѣлъ того; но присущая ему сила Божія даетъ *мѣсто свободѣ* (παραχωρεῖ τῷ

---

[1]) Homil. XXVII, 13.
[2]) Homil. XV, 36.
[3]) Homil. XXVII, 11.
[4]) Homil. XVII, 7.

αὐτεξουσίῳ), чтобы обнаружилась воля человѣка» [1]). Всѣ усилія благодати и направлены именно, при сохраненіи свободы, къ ея возсозданію и укрѣпленію въ добрѣ.

Воля человѣка и ея движеніе къ добру есть *чрезвычайно важное условіе* вообще для спасенія человѣка и въ частности для его преуспѣянія, но не она — *причина* того и другого. Главное во всемъ этомъ не она, а благодать Божія.

Правда, благодать не дѣйствуетъ одна безъ человѣческой воли; она требуетъ «согласованія» воли съ собою [2]), а въ началѣ преуспѣянія даже — предначинательнаго «стремленія воли», но все это имѣетъ значеніе не болѣе, какъ необходимаго только условія для могущественнаго, все въ сущности совершающаго, дѣйствія благодати. Господь «*непрестанно* (ἀεῖ) *ударяетъ* въ двери сердецъ нашихъ, *чтобы мы отверзли Ему*» [3]). «Когда *мы своею волею привлечемъ умъ, понуждая помыслы* устремляться къ Господу, тогда всеконечно и *Господь своею волею* придетъ къ намъ и по истинѣ соберетъ насъ въ себѣ самомъ». Вотъ «Онъ остановился, разсматривая твой умъ, помышленія и размышленія, наблюдая, какъ ищешь Его и отъ всей ли души, не лѣностно ли, не нерадиво ли» [4]). Нужны самособранность человѣка и движеніе его воли, а съ волею и ума къ Господу, и это именно пр. Макарій называетъ предначинательнымъ «стремленіемъ воли» и даже въ широкомъ, несобственномъ смыслѣ «собственнымъ дѣломъ» человѣка. «Спасаетъ человѣка не собственное его *дѣло* (οὐ τὸ ἴδιον ἔργον), но Даровавшій силу. Ибо, если кто и язвы Господни терпитъ, пусть не возмнитъ (о себѣ) чего-либо, если бы можетъ быть *и сдѣлалъ что* или только возлюбилъ и *усиленно стремился* къ дѣятельности (ἐπιτηδεῦσαι

---

[1]) Lib. de custod. cord. n. 12 col. 833—6. Правда, эти «Книги» (числомъ 7) или «Слова», представляющія сокращеніе «Бесѣдъ», обыкновенно не приписываются пр. Макарію, но они такъ хорошо, кратко и точно выражаютъ мысли, изложенныя въ бесѣдахъ, что мы позволили себѣ привести здѣсь мѣсто изъ первой изъ этихъ семи книгъ.

[2]) Объ этомъ «согласованіи» пр. Макарій говоритъ очень часто, какъ въ мѣстахъ выше приведенныхъ, такъ и въ тѣхъ, которыя будутъ приведены ниже.

[3]) Homil. XXX, 9.

[4]) Homil. XXXI, 3. Ἐὰν... τῷ θελήματι ἡμῶν ἕλκομεν τὸν νοῦν βιαζόμενοι τοὺς λογισμοὺς πρὸς τὸν Κύριον· πάντως ὁ Κύριος τῷ θελήματι αὐτοῦ ἐλεύσεται πρὸς ἡμᾶς καὶ ἐξ ἀληθείας συναγάγει ἡμᾶς πρὸς ἑαυτόν... Ἔστηκε γὰρ θεωρῶν σου τὸν νοῦν... ἐπισκοπῶν πῶς ζητεῖς αὐτόν...

πρὸς τὰς ἐνεργείας). Поэтому, не думай когда-либо *предварить* въ добродѣтели Господа (ἐν ἀρετῇ προειληφέναι τὸν Κύριον), по слову сказавшаго, что Онъ есть дѣйствуяй въ насъ, еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи (Фил. II, 13) [1]). Мы сказали выше, что человѣкъ по природѣ имѣетъ стремленіе (τὴν ἐπιτήδευσιν κατὰ φύσιν) и его-то (стремленія) ищетъ Богъ. Поэтому повелѣваетъ, чтобы человѣкъ сперва понялъ, понявъ возлюбилъ и *стремился волею* (θελήματι ἐπιτηδεύσῃ). А чтобы мысль привести въ дѣйствіе, или перенести трудъ или совершить дѣло, это даетъ пожелавшему и увѣровавшему благодать Господа. Поэтому воля человѣка есть какъ бы *существенная прибавка* (ὡς παράστασις ὑποστατική): *если нѣтъ воли, самъ Богъ ничего не дѣлаетъ*, хотя и можетъ по своей волѣ. Поэтому *совершеніе дѣла Духомъ зависитъ отъ воли человѣка* (ἡ τελεσιουργία τοῦ Πνεύματος ἐν τῷ θελήματι τοῦ ἀνθρώπου κεῖται). Опять, если мы отдаемъ *всю* волю, то чудный во всемъ и необъятный для нашей мысли Богъ *приписываетъ все дѣло намъ* (ὅλον τὸ ἔργον ἡμῖν ἐπιγράφει)» [2]).

Главное и существенное въ дѣлѣ спасенія, причина его—благодать Божія.—Такимъ образомъ, въ дѣлѣ преуспѣянія воля человѣческая хотя и есть нѣчто необходимое, необходимая приставка, прибавка, условіе, но главное въ семъ дѣлѣ не она, а благодать Божія. Благодать подобна богатому человѣку; она дѣлаетъ «ничего неимѣющую», нищую душу своею «невѣстою и сожительницею» [3]), «содѣйственницею присущей ей благодати» [4]), или—подобна царю, который принимаетъ въ свои чертоги раба, ничего съ собою не приносящаго и служащаго царю его же « сосудами, т. е. духомъ внутренняго человѣка», созданнаго Богомъ, и затѣмъ Божіими же «сосудами, т. е. благодатію». Какъ отъ души, невѣсты и сожительницы, требуется только угождать мужу и не оскорблять его, такъ и отъ души—раба ничего другаго не нужно кромѣ только того, чтобы она, «имѣя собственное произволеніе, несогласное съ благодатію, не погрѣшила въ чемъ-либо противъ духовнаго служенія» [5]). «Имѣющіе благодать Божію» должны

---

[1]) Homil. XXXVII, 9.

[2]) Ibid. n. 10.

[3]) Homil. XV, 1.

[4]) Ibid. n. 2: συνεργὸς τῆς συνούσης τοῦ Πνεύματος χαριτος.

[5]) Ibid. n. 5. «Такъ и душа, служа Богу *благодатію и духомъ* (τῇ χάριτι καὶ τῷ πνεύματι), нуждается въ большой разсудительности и вѣдѣ-

представлять себя въ видѣ нищихъ, которымъ царь далъ «на сохраненіе свое сокровище», а потому не должны надмеваться, иначе «Господь отыметъ отъ нихъ благодать свою и они останутся такими же, какими были до принятія благодати» [1]). Самое гибельное въ спасеніи опираться на себя, на свою природу. Какъ тѣло получаетъ все для жизни своей не отъ себя, а совнѣ, такъ «и душа, не имѣющая въ себѣ свѣта Божественнаго, сотворенная же по образу и подобію Божію... не изъ собственнаго существа, но отъ божества Его, отъ собственнаго Его Духа, отъ собственнаго Его свѣта имѣетъ пищу и духовное питіе, что̀ и составляетъ поистинѣ жизнь души» [2]). А потому «горе душѣ, если она оперлась только на свою природу (εἰς τὴν ἑαυτῆς φύσιν μόνον ἐστήκῃ) и возложила упованіе на свои только дѣла, не имѣя общенія съ божественнымъ Духомъ... и это, повторяю, не просто произносимыя слова, но самое *дѣло* (ἔργον) духовной жизни» [3]). «Какъ рыбѣ невозможно жить безъ воды или человѣку ходить безъ ногъ... такъ безъ Господа Іисуса и безъ дѣйствія божественой силы невозможно познать тайны и премудрость

нія, какъ бы не погрѣшить относительно сосудовъ Божіихъ, или духовнаго служенія, τὴν ἰδίαν προαίρεσιν μὴ συμφωνοῦσαν τῇ χάριτι ἔχουσα. Ибо душа можетъ служить Господу духовнымъ служеніемъ, совершаемымъ втайнѣ *внутреннимъ человѣкомъ* (ὑπὸ τοῦ ἔσω ἀνθρώπου) и *собственными сосудами*, т. е. Духомъ Его (Бога). А безъ *сосудовъ Его, т. е. безъ благодати* (τουτέστι τῆς χάριτος) никто не можетъ служить Богу».—Здѣсь не ясно, что нужно разумѣть подъ «Божіими сосудами», духъ ли человѣческій или вмѣстѣ и силу, благодать «Духа Св.». Если сопоставить послѣднія выраженія: «духовное служеніе внутреннимъ человѣкомъ» и «собственными Его сосудами», «безъ сосудовъ Его, *т. е. безъ благодати*» съ выраженіями, помѣщенными въ самомъ началѣ этого мѣста: «служа Богу *благодатію и духомъ*», то будетъ очевидно, что подъ духомъ въ этомъ послѣднемъ выраженіи нужно разумѣть не Духъ Божій, а духъ человѣческій или внутренняго человѣка. Становится понятнымъ и то, почему благодать отличается отъ духа, а сосудами Божіими называются и Духъ Божій и духъ человѣческій, при чемъ они то различаются, то подводятся подъ одно понятіе сосудовъ, такъ какъ они хотя отличны по существу, но равно Божіи по происхожденію отъ Бога и по служенію Богу: человѣкъ не можетъ служить однимъ своимъ сосудомъ—душею безъ другаго—Духа Божія или благодати, соединяющейся съ душею.

[1]) Ibid. n. 27.
[2]) Homil. I, 10.
[3]) Ibid. n. 11.

Божію или быть богатымъ и христіаниномъ» (совершеннымъ) [1]).

Благодать требуетъ отъ человѣка только «произволенія и добраго старанія (προαίρεσιν καὶ ἀγαθὴν αὐτοῦ σπουδήν)» [2]), понужденія имъ себя на всякое доброе дѣло, по причинѣ присущаго (συνοῦσαν) ему грѣха» [3]), принужденія даже и противъ хотѣнія сердца (μὴ θελούσης τῆς καρδίας)», и такимъ образомъ «предуготовленія себя, насколько возможно, къ добру (προευτρεπίζειν ὅσον δυνατὸν εἰς τὸ ἀγαθὸν)». «Если же кто не пріучилъ и не приготовилъ себя (μήτε προευτρεπίσας) къ сказанному, то, хотя бы и получилъ благодать, теряетъ ее по полученіи и падаетъ отъ высокоумія или не преуспѣваетъ и не возростаетъ въ благодати, ему дарованной» [4]). Только при соблюденіи вышеуказанныхъ условій, «*самъ Господь* легко и безъ труда *творитъ въ немъ все*» [5]) и Духъ научаетъ его всѣмъ добродѣтелямъ [6]). И тѣмъ не менѣе—за то только, что мы «отдаемъ Ему всю свою волю»,—чудный и необъятный нашимъ умомъ Богъ «все дѣло приписываетъ» именно «намъ», хотя намъ принадлежитъ въ немъ самая малая часть. Всего выше—смиреніе и сознаніе ничтожества человѣческихъ усилій и дѣлъ и оно-то дѣлаетъ то, что Господь усвояетъ человѣку свои же въ сущности дары и дѣянія. Господь спрашиваетъ душу, отрекшуюся отъ міра: «что хвалишься; не Я ли создалъ твое тѣло и душу; что ты (сама) сдѣлала»? «Все твое», Господи, говоритъ душа смиренная. «Тогда Господь начинаетъ говорить на это: *оказываю тебѣ милость* (χάριν σοι ἔχω); то, что ты имѣешь—твое, *эта добрая воля—твоя*, а за любовь твою ко Мнѣ, поелику прибѣгла ты ко Мнѣ, сверхъ того дамъ тебѣ то, чѣмъ не обладала ты доселѣ, чего не имѣютъ люди на землѣ,—прими съ душею твоею Меня Господа, чтобы всегда ты веселилась и радовалась со Мною» [7]). «Когда приписываешь все Богу», то «и Богъ, видя доброе твое произволеніе, такъ какъ и *свое, что ты дѣлаешь по естеству* (τὰ σὰ, ἅπερ ἀπὸ φύσεως ποιεῖς), приписываешь Богу,

---

[1]) Homil. XVII, 10.
[2]) Homil. XIX, 2.
[3]) Ibid. n. 1.
[4]) Ibid. n. 5. 6.
[5]) Ibid. n. 6.
[6]) Ibid. n. 8.
[7]) Homil. XXXII, 8.

снова даруетъ тебѣ свое собственное, духовное, божественное и небесное» [1]). Впрочемъ, «*твое, что ты дѣлаешь*, хотя хорошо и благопріятно Богу, но нечисто» [2]).

Законы дѣйствія благодати. Такъ какъ дѣло благодати направлено,—при сохраненіи человѣческой свободы,—къ полному возсозданію и укрѣпленію въ добрѣ какъ ея, такъ и вообще всѣхъ силъ человѣческихъ и потому совершается въ союзѣ съ человѣческою волею, то само собою понятно, что *дѣйствіе благодати должно представлять непрерывность и извѣстную постепенность*, а не совершаться вдругъ, хотя «благодать въ одно мгновеніе можетъ очистить человѣка и сдѣлать его совершеннымъ» [3]). Дѣйствіе благодати подобно развитію младенца въ матерней утробѣ, возростанію сѣмени растеній, работѣ пчелы въ ульѣ и дѣйствію закваски; оно постепенно. «Вопросъ: по частямъ ли (κατὰ μέρος) утончается и искореняется зло и человѣкъ преуспѣваетъ въ благодати (προκόπτει εἰς τὴν χάριν), или зло искореняется тотчасъ же, какъ только началось преспѣяніе? Отв. Какъ зародышъ въ матерней утробѣ *не вдругъ* превращается въ человѣка» или какъ сѣмяна растеній и посадки деревьевъ не тотчасъ же, а постепенно выростаютъ и даютъ стебли и плоды; «такъ и въ духовномъ, гдѣ столько мудрости и тонкости, человѣкъ *мало по малу* (κατὰ μικρὸν) *возростаетъ* и дѣлается мужемъ совершеннымъ, въ мѣру возраста, *а не такъ, какъ нѣкоторые говорятъ:* (будто это такъ, какъ бы) *облечься и совлечься*» [4]). «Какъ пчела тайно выдѣлываетъ сотъ въ ульѣ, такъ и благодать тайно совершаетъ любовь свою и горечь превращаетъ въ сладость, жестокосердіе—въ мягкость»; какъ рѣзчикъ «по частямъ совершаетъ рѣзьбу» на блюдѣ, такъ и Господь постепенно «украшаетъ рѣзьбою сердца наши» [5]). «Благодать съ одной стороны непрестанно соприсутствуетъ и укореняется и дѣйствуетъ какъ закваска, начиная съ юнаго возраста, и дѣлается какъ бы чѣмъ-то естественнымъ, сплотившимся (съ душею), сопребывающимъ въ человѣкѣ, какъ бы одною

---

[1]) Homil. XXVI, 20.

[2]) Ibid. n. 21.

[3]) Homil. XLI, 2 (см. это мѣсто ниже).

[4]) Homil. XV, 41... οὐχ ὥσπερ τινὲς λέγουσιν· ἔνδυσαι, ἔκδυσαι—намекъ на невѣрныя представленія относительно дѣйствія благодати въ таинствѣ крещенія.

[5]) Homil. XVI, 7.

(съ душею) сущностью, съ другой—*многообразно*, какъ ей угодно, устрояетъ человѣка *къ его пользѣ*» [1]).

Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, *кромѣ постепенности и непрерывности*, указанъ и другой законъ дѣйствія благодати, именно *разнообразіе способовъ ея воздѣйствія* на человѣка, въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что для него полезнѣе. «Удостоившіеся сдѣлаться чадами Божіими и родиться свыше отъ Духа Св. и имѣющіе въ себѣ просвѣщающаго и успокоивающаго ихъ Христа, бываютъ руководимы Духомъ *разнообразными и различными способами* (ἐν ποικίλοις καὶ διαφόροις τρόποις), и благодать невидимо дѣйствуетъ въ сердцѣ» [2]). «Разнообразно (ποικίλως) дѣйствуетъ въ людяхъ благодать» [3]). Премудрость Божія «непостижимымъ и неизслѣдимымъ образомъ *разнообразно* совершаетъ распредѣленіе благодати роду человѣческому для испытанія свободной воли». Однимъ дается благодать «*тотчасъ* (εὐθὺς), какъ только приступятъ съ вѣрою и прошеніемъ», «*безъ собственныхъ ихъ трудовъ* (ἄνευ πόνων ἰδίων)», [4]), а другимъ, «Богъ даетъ благодать и успокоеніе и радость *не скоро* (οὐκ εὐθὺς), медля относительно ихъ и удерживая даръ»,—для того, чтобы тѣхъ и другихъ побудить къ трудамъ, первыхъ поощрить къ подвигамъ, а въ послѣднихъ возбудить жажду благодати и удержать ихъ отъ гибельнаго превозношенія [5]). Вообще же благодать дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: сначала «пріосѣняетъ душу отчасти», «не всю душу», для «испытанія произволенія», чтобы потомъ постепенно пустить корни во глубину души и наконецъ «обнять ее всю». «Когда дѣйствіе божественной благодати пріосѣняетъ душу, по мѣрѣ вѣры каждаго, и душа принимаетъ помощь свыше, тогда благодать *пріосѣняетъ ее только въ нѣкоторой части. И не подумай, что озарилась вся душа*; внутри ея остается еще большая пажить порока и для человѣка нужны великій трудъ и усиліе, соглашенные съ дѣйствующею на него благодатію. Поэтому-то благодать, которая

---

[1]) Homil. VIII, 2. Ἡ μὲν χάρις ἀδιαλείπτως σύνεστι καὶ ἐρρίζωται καὶ ἐζώμωται ἐκ νέας ἡλικίας, καὶ ὡς φυσικὸν καὶ πηκτὸν ἐγένετο, αὐτὸ τὸ συνὸν τῷ ἀνθρώπῳ ὡς μία οὐσία· πολυτρόπως δέ, ὡς θέλει πρὸς τὸ συμφέρον οἰκονομεῖ τὸν ἄνθρωπον.

[2]) Homil. XVIII, 7.

[3]) Ibid. n. 9.

[4]) Homil. XXIX, 1.

[5]) Ibid. n. 2.

можетъ въ одно мгновеніе, очистивъ человѣка, сдѣлать его совершеннымъ, начинаетъ посѣщать душу *отчасти* (ἀπὸ μέρους)». И это дѣлается именно для «испытанія человѣческаго произволенія». Когда же окажется, что въ теченіе долгаго времени душа ничѣмъ не оскорбляетъ благодати, тогда «сама благодать беретъ въ душѣ пажить и по мѣрѣ того, какъ душа въ теченіе долгаго времени оказывается заслужившею похвалу и согласною съ благодатію, она (благодать) *укореняется до глубочайшихъ ея частей* и помышленій, пока *вся душа не будетъ объята* небесною благодатію, потомъ царствующею въ этомъ сосудѣ» [1]). Благодать «*многообразно*, какъ ей угодно, устрояетъ человѣка къ его пользѣ; иногда огонь (ея) возгорается и жжетъ сильнѣе, а иногда какъ бы слабѣе и тише; въ иныя времена этотъ свѣтъ возжигается и свѣтить болѣе, а иногда *сокращается* и меркнетъ» [2]). Иногда, послѣ высокаго и восторженнаго благодатнаго состоянія, напримѣръ во время молитвы, «благодать *умалялась* (ὑπέστειλεν) и находило покрывало сопротивной силы, благодать же являлась какъ бы отчасти и была на нѣкоторой низшей степени совершенства» [3]). «Благодать сокращается по домостроительству, чтобы мы болѣе ее искали» [4]).

Результатъ дѣйствія благодати относительно грѣха. Сначала въ томъ, «кто имѣетъ постояно надежду на Бога, зло какъ бы *утончается и разжижается*» [5]), а потомъ—какъ корень растенія или источникъ—оно изсыхаетъ. Подобно тому, какъ «Господь пришелъ и взялъ грѣхи міра,

---

[1]) Hom. XLI, 2. Ἐπὰν τοίνυν χάριτος θείας ἐνέργεια ἐπισκιάσει τῇ ψυχῇ κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἑκάστου πίστεως, καὶ δέξηται ἄνωθεν βοήθειαν, ἀκμὴν ἐν μέρει τινὶ ἐπεσκίασεν. Μὴ νομίσῃ οὖν τις, ὅλην τὴν ψυχὴν πεφώτισται· ἀκμὴν πολλὴ νομὴ τῆς κακίας ἔνδον ἐστὶ... Καὶ αὐτὴ ἡ χάρις νομὴν λαμβάνει ἐν τῇ ψυχῇ, καὶ ἕως τῶν βαθυτάτων αὐτῆς μερῶν καὶ διαλογισμῶν ῥυζοῦται, ἐν καιροῖς πλείοσιν εὐδοκιμούσης καὶ συμφωνούσης τῆς ψυχῆς τῇ χάριτι· ἕως οὗ ὅλη ἡ ψυχὴ περιληφθῇ ὑπὸ τῆς ἐπουρανίου χάριτος, λοιπὸν βασιλευούσης ἐν αὐτῷ τῷ σκεύει.

[2]) Homil. VIII, 2: πολυτρόπως δὲ, ὡς θέλει πρὸς τὸ συμφέρον οἰκονομεῖ τὸν ἄνθρωπον...

[3]) Ibid. n. 3.

[4]) Homil. XXVII, 12. Οἰκονομικῶς γὰρ ὑποστέλλει ἡ χάρις, ἵνα μειζόνως ἐπιζητήσομεν.

[5]) Homil. XVI, 4. Ὅταν δὲ ἔχει τις πάντοτε τὴν ἐλπίδα τοῦ Θεοῦ, ὥσπερ λεπτύνεται καὶ ἐξυδαροῦται τὸ κακόν.

т. е. изсушилъ нечистый источникъ душевныхъ помышленій» [1]), и «въ рабахъ Божіихъ, въ которыхъ преизбыточествуетъ благодать, она *изсушаетъ* (ξηραίνει) какъ лукавымъ возбуждаемое, такъ равно и естественное пожеланіе, ибо нынѣ Божіи человѣки дѣлаются *выше перваго Адама*» [2]). Почему и какимъ образомъ—«*выше* перваго Адама», представляемаго конечно въ невинномъ состояніи,—св. отецъ не объясняетъ, но изъ одного приведеннаго уже нами замѣчанія, что подъ дѣйствіемъ силы Божіей человѣкъ доходитъ «до безпредѣльнаго и безмѣрнаго возрастанія» [3]), а равно и изъ приводимыхъ нами далѣе разсужденій о *полномъ* соединеніи души со Христомъ и Духомъ Св., ясно, что человѣкъ, хотя далеко не вдругъ и и путемъ тяжкихъ трудовъ и скорбей, доходитъ наконецъ до такого состоянія, которое предназначено было Адаму и котораго онъ достигъ бы скоро и легко, если бы не преступилъ заповѣди Божіей.—Благодать такимъ образомъ *изсушаетъ* самый *корень* грѣха.

Результатъ дѣйствія благодати для положительнаго усовершенія души: состояніе совершенства. Вся душа во всемъ ея составѣ и частяхъ [4]) объемлется благодатію; она воспринимаетъ въ себя «*всего*» Духа и «*всего*»» Христа [5]). Духъ Св. соединяется, «растворяется» съ душею и дѣлается какъ бы душею души, «небесною душею». Духъ Св. низводитъ въ душу и Христа [6]). Христосъ нисходитъ «въ глу-

---

[1]) Homil. XX, 5. Αὐτὸς γὰρ ἐλθὼν ἦρε τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου, τουτέστι τὴν ἀκάθαρτον πηγὴν τῶν διαλογισμῶν τῆς ψυχῆς ἐξήρανεν.

[2]) Homil. XVI, 4: οὕτως καὶ εἰς τοὺς δούλους τοῦ Θεοῦ εἰς οὓς πλεονάζει ἡ χάρις, ξηραίνει τὴν τοῦ πονηροῦ ἐπιθυμίαν, ὁμοίως δὲ καὶ τὴν φυσικὴν, ἐπειδὴ νῦν οἱ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωποι μείζονες γίγνονται τοῦ πρώτου Ἀδάμ

[3]) Homil. XLVII, 17.

[4]) Homil. XLI, 2. Здѣсь говорится, что благодать дѣйствуетъ на душу постепенно, сначала отчасти, не на всю душу, потомъ укореняется, доходитъ до глубины духа, «пока *вся душа* не будетъ объята небесною благодатію». Въ цѣломъ это мѣсто приведено выше.

[5]) Homil. XIX, 6. Человѣкъ долженъ принуждать себя къ добродѣтелямъ, чтобы Господь «*даровалъ ему всего себя* (δῶσῃ ἑαυτὸν ὅλον αὐτῷ)». А далѣе о Духѣ Св. говорится (ibid. n. 9), что Онъ «усовершитъ насъ въ себѣ и *совершенъ будетъ въ насъ* (τελειώσαντος ἡμᾶς τοῦ Πνεύματος εἰς ἑαυτὸ καὶ τελειωθέντος εἰς ἡμᾶς), очистившихся отъ всякой скверны и грѣховной нечистоты, и *представитъ* Христу наши души, какъ прекрасныя невѣсты, чистыми и непорочными».

[6]) См. выше въ одномъ изъ примѣчаній анализъ Homil. XXX, 1—5, гдѣ Духъ Св. представляется какъ «жизнь души» и «образъ Сына»,

бокое нѣдро сердца», какъ нѣкогда сходилъ во адъ [1]), и тогда душа «дѣлается вся свѣтомъ, вся лицемъ, вся окомъ... на ней возсѣдаетъ неизреченная красота славы свѣта Христа... Христосъ и *носитъ* и *водитъ* и *поддерживаетъ* и *подъемлетъ* ее (подобно колесницѣ въ видѣніи Іезекіиля), ибо сказано, что рука человѣча была подъ херувимами». [2]). «Господь не ведетъ брани съ грѣхомъ, но какъ полномочный и полновластный всегда самъ рѣшаетъ побѣду... святыя души носятся и путеводятся *Духомъ Христовымъ*, который *правитъ*, куда Ему угодно» [3]). Подобно тому, какъ прежде, въ грѣховномъ состояніи, «въ сердцѣ, умѣ и тѣлѣ возсѣдали сатана, демоны и князья тьмы» [4]), такъ теперь *душа—престолъ Божій*, на которомъ «возсѣлъ небесный Браздодержецъ» и она «живетъ истинно святою жизнію» [5]). Подобно юношѣ, который «держитъ на рукахъ младенца и носитъ его, куда хочетъ, и *до глубины дѣйствующая благодать держитъ на рукахъ умъ* и возводитъ въ небеса» [6]). Неудивительно, что тогда человѣкъ «дѣлается связаннымъ благодатію, плѣнникомъ ея» [7]), хотя чуднымъ образомъ и не теряетъ своей воли.

Въ особенности полно изображается состояніе совершенства въ слѣдующемъ мѣстѣ. Перечисливъ различныя благодатныя состоянія, св. отецъ въ заключеніе замѣчаетъ. «Эти выше поименованныя дѣйствія Духа получаютъ большіе размѣры въ близкихъ къ совершенству. Ибо поименованныя выше разнообразныя успокоенія благодати, съ одной стороны выражаются словами различно, съ другой совершаются въ нихъ (людяхъ) непрерывно, такъ что одно дѣйствіе смѣняется

какъ «написующій небесный образъ и дающій душѣ прекраснаго и добраго Жениха». Ср. въ пред. прим. Homil. XIX, 9.

[1]) Homil. XI, 12. «Онъ (Христосъ) приходитъ въ двѣ области: во глубину ада и опять въ глубокое нѣдро сердца, гдѣ душа съ своими помыслами одержится смертію и износитъ омертвѣвшаго Адама изъ темной глубины».

[2]) Homil. I, 2: τοῦ φέροντος καὶ ἀγοντος καὶ βαστάζοντος καὶ φοροῦντος...

[3]) Ibid. n. 9. Ἄγονται αἱ ἁγίαι ψυχαὶ καὶ ὁδηγοῦνται ὑπὸ τοῦ ἡνιοχοῦντος Πνεύματος τοῦ Χριστοῦ ὅπου βούλεται.

[4]) Homil. VI, 5.

[5]) Homil. I, 12.

[6]) Homil. XVI, 12... οὕτω καὶ κατὰ βάθος ἐνεργουμένη χάρις βαστάζει τὸν νοῦν καὶ ἀναφέρει εἰς τοὺς οὐρανούς.

[7]) Homil. XXVI, 16... οὗτος λοιπὸν δέδεται καὶ ἔστιν ἡχμαλωτισμένος εἰς τὴν χάριν.

другимъ. Когда душа достигнетъ *духовнаго совершенства, совершенно очистившись отъ всѣхъ страстей*, чрезъ неизреченное причастіе *соединившись и растворившись съ Духомъ Утѣшителемъ* и удостоившись *чрезъ растореніе съ Духомъ* сама быть духомъ, тогда она дѣлается *вся* свѣтомъ, *вся* окомъ, *вся* духомъ, *вся* радостью, *вся* упокоеніемъ» [1]).

Пр. Макарій не оставляетъ безъ отвѣта и естественный вопросъ: *какъ неограниченный Богъ соединяется съ ограниченною душею* человѣческою, какимъ образомъ она можетъ вмѣстить «всего» Духа и «всего» Христа? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ предлагаетъ, по его словамъ, «нѣкое тонкое и глубокое слово» (разсужденіе), цѣль котораго показать, что Богъ ограничиваетъ себя, «оплототворяетъ», чтобы войти въ ближайшее единеніе съ тварями, или, что тоже, «прелагаетъ, умаляетъ, уподобляетъ себя», «по мѣрѣ пріемлемости душъ достойныхъ и святыхъ», что слѣдовательно есть и могутъ быть степени соединенія Христа и Духа Св. и что принятіе всего Христа и всего Духа Св. означаетъ возможную для человѣка полноту соединенія съ Христомъ Искупителемъ и Духомъ Христовымъ.

«По мѣрѣ удѣленныхъ мнѣ силъ, желаю сказать нѣкое тонкое и глубокое слово. Поэтому выслушайте внимательно. Безпредѣльный, неприступный и несозданный Богъ, по безпредѣльной и непостижимой благости, *оплототворилъ* себя (ἐσωματωποίησεν ἑαυτὸν) и, такъ сказать, какъ бы *умалилъ* (ὡς ἐσμίκρυνεν) себя въ неприступной славѣ для того, чтобы имѣть возможность войти въ соединеніе съ *видимыми* Его тварями, разумѣю именно души святыхъ и *ангеловъ* и чтобы они могли быть причастными жизни Божества. А каждое (существо) по своей собственной природѣ есть тѣло (σῶμά ἐστιν): и ангелъ и душа и демонъ... они суть тѣла тонкія (σώματα λεπτὰ)... Душа наша, будучи тонкою... обнявъ все тѣло и его члены, срастворяется (смѣшивается съ нимъ— συγκέκραται), чрезъ что и совершаются всѣ жизненныя дѣйствія» [2]). «Подобнымъ образомъ безпредѣльный и непости-

[1]) Homil. XVIII, 10... Ὅταν γὰρ ἡ ψυχὴ πρὸς τὴν τελειότητα τοῦ πνεύματος καταντήσῃ, τελείως πάντων τῶν παθῶν ἀποκαθαρισθεῖσα καὶ τῷ Παρακλήτῳ Πνεύματι διὰ τῆς ἀῤῥήτου κοινωνίας ἑνωθεῖσα καὶ ἀνακραθεῖσα, καὶ καταξιωθῇ πνεῦμα γενέσθαι συγκεκραμένη τῷ Πνεύματι, τότε ὅλη φῶς, ὅλη ὀφθαλμός, ὅλη πνεῦμα, ὅλον χαρά, ὅλον ἀναπαύσις..

[2]) Homil. IV, 9.

жимый Богъ по Своей благости *умалилъ себя* (ἐσμίκρυνεν αὐτὸν), облекся въ члены сего тѣла и окружилъ себя (преградою) отъ неприступной славы: по снисхожденію и и человѣколюбію, *преображаясь, Онъ плототворитъ себя, соединяется* (ἀναμίγνυται—смѣшивается), воспринимаетъ святыя, благоугодныя и вѣрныя души и, по слову Павла, дѣлается съ ними въ единъ Духъ,—*душа*, такъ сказать, *въ душу* и *ипостась въ ипостась*» [1]). Какъ изъ ничего создалъ Богъ всѣ существа и предметы міра, «такъ тѣмъ болѣе, по несказанной благости и непостижимой добротѣ, Онъ Сущій, какъ хочетъ и чѣмъ хочетъ, *прелагаетъ, умаляетъ, уподобляетъ* себя самого, *плототворя себя* для святыхъ и достойныхъ вѣрныхъ душъ, по *мѣрѣ* (ихъ) *способности вмѣстить*» [2]). «Господь плототворитъ себя и въ пищу и въ питіе, какъ сказано въ евангеліи: кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки (Іоан. VI, 51)» [3]). Все, что ни захочетъ, для Него удобно, и, какъ ему угодно, *умаляя* себя, *плототворитъ* и *преобразуетъ* себя, дѣлаясь видимымъ любящимъ Его, являясь по возможности въ неприступной славѣ свѣта достойнымъ за великую и невыразимую любовь» [4]).

Общій результатъ. 1) У пр. Макарія Египетскаго понятіе о благодати значительно съуживается, хотя еще не вполнѣ теряетъ свой широкій объемъ. Благодать мыслится преимущественно какъ сила Божія, въ частности какъ сила Духа Св. и неразлучнаго съ Нимъ Господа І. Христа или, лучше сказать, какъ сила Духа Христова, содѣвающая наше спасеніе, въ «согласіи» съ нашими силами. 2) Дѣйствія Христа, Сына Божія и Духа Св. мало разграничиваются, вѣроятно потому, что благодать изображается дѣйствующею въ тотъ моментъ, когда Духъ уже сочеталъ вѣрующаго со Христомъ, и когда слѣдовательно Ихъ дѣйствія естественно являются *въ преимущественной степени* совокупными.

---

[1]) Ibid. n. 10... καὶ διὰ ἡμερότητα καὶ φιλανθρωπίαν μεταμορφούμενος σωματοποιεῖ ἑαυτὸν, καὶ ἀναμίγνυται καὶ παραλαμβάνει... καὶ γίνεται μετ' αὐτῶν... ψυχὴ ὡς εἰπεῖν εἰς ψυχὴν καὶ ὑπόστασις εἰς ὑπόστασιν.

[2]) Ibid. n. 11... μεταβάλλει καὶ σμικρύνει καὶ ἐξομοιεῖ ἑαυτον, σωματοποιῶν κατὰ χώρησιν, ταῖς ἁγίαις, καὶ ἀξίαις πισταῖς ψυχαῖς.

[3]) Ibid. n. 12. Σωματοποιεῖ γὰρ ἑαυτὸν εἰς βρῶσιν καὶ πόσιν ὁ Κύριος..

[4]) Ibid. n. 13... μικρύνων ἑαυτὸν σωματοποιεῖ, καὶ μεταμορφοῦται ὀπτανόμενος τοῖς ἀγαπῶσιν αὐτὸν ἐν ἀπροσίτῳ δόξῃ φωτὸς, κατὰ πολλὴν καὶ ἄφραστον ἀγάπην φανερούμενος τοῖς ἀξίοις κατὰ τὴν αὐτοῦ δύναμιν.

3) Предварительное дѣйствіе благодати до крещенія и въ крещеніи раскрывается также сравнительно мало; слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить мысль, что и послѣ крещенія остаются индивидуальныя особенности человѣческой личности и корни грѣха во глубинѣ человѣческой природы. За-то относительно дѣйствія благодати и соучастія нашихъ силъ въ послѣдующій періодъ жизни христіанина, т. е. въ періодъ его преуспѣянія, находимъ такое обиліе разъясненій, какого доселѣ еще не встрѣчали: предъ нами развертывается полная, яркими красками нарисованная, картина съ одной стороны глубокой человѣческой испорченности и немощи, и,—при остаткахъ въ душѣ добра,—безсильныхъ человѣческихъ къ нему стремленій, съ другой—силы благодатной, премудро согласующей свои дѣйствія съ свободою человѣка, не гнушающейся его грѣховныхъ сквернъ, постепенно изгоняющей изъ человѣческой природы остатки зла и грѣха, воспитывающей и упражняющей его волю, и путемъ долгихъ, непрерывныхъ, постепенныхъ, разнообразныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій преобразующей его природу до возможно полнаго единенія съ Богомъ, уподобленія Ему. Въ особенности замѣчательны ученія: о грѣхѣ первородномъ, объ остающихся корняхъ грѣха послѣ крещенія, о совмѣщеніи, или «сопребываніи» въ душѣ человѣческой благодати съ грѣхомъ, о значеніи человѣческой воли въ процессѣ человѣческаго спасенія, о преобладающемъ дѣйствіи благодати, о законахъ ея дѣйствія и о состояніи высшаго совершенства. 4) Прирожденное поврежденіе человѣческой природы очень велико; оно обнимаетъ весь составъ человѣческаго естества: и тѣло и душу со всѣми многочисленными ея силами; однако это поврежденіе нужно понимать «не такъ, будто человѣкъ, совершенно умеръ и не можетъ дѣлать ничего добраго»; правда, нѣтъ у него на то силъ, но осталось желаніе и стремленіе дѣлать доброе. 5) И послѣ крещенія сопребываетъ съ душею грѣхъ, гнѣздясь въ глубокихъ тайникахъ души, хотя въ тоже время пребываетъ и дѣйствуетъ въ ней и благодать; благодать и грѣхъ занимаютъ разныя области въ многосоставной душѣ человѣческой; дѣло благодати Божіей, въ союзѣ съ человѣческою волею, вытѣснить зло изъ всѣхъ областей души, совершенно очистить ее отъ грѣха и страстей. 6) Человѣческая воля есть весьма важное и совершенно необходимое условіе для дѣйствія благодати, но она есть нѣчто только привходящее, «придаточное»

(«прибавка»), а не—причина спасенія, которое въ этомъ отношеніи всецѣло зависитъ отъ благодати; благодать требуетъ только согласія и соучастія нашей воли. 7) Законы дѣйствія благодати: непрерывность, постепенность и, разнообразіе—въ видахъ цѣлесообразности. 8) Состояніе христіанскаго совершенства характеризуется съ отрицательной стороны совершеннымъ изгнаніемъ грѣха изъ души, изсушеніемъ самаго источника зла, совершеннымъ очищеніемъ ея отъ страстей, съ положительной—полнымъ соединеніемъ всей души съ Духомъ Св. и Христомъ Искупителемъ, «душа въ душу, ипостась въ ипостась», проникновеніемъ, «растворенiемъ» ея Духомъ Св., который и дѣлается «душею души», такъ что человѣкъ въ этомъ состояніи становится «выше перваго Адама». 9) Такое полное соединеніе души съ Богомъ дѣлается возможнымъ чрезъ «преображеніе», «преложеніе», «плототвореніе», «ограниченіе», «сокрытіе неприступной славы», словомъ чрезъ «умаленіе» Божества для соединенія съ ограниченною человѣческою душою.—Изложенное ученіе пр. Макарія Египетскаго о благодати Божіей и соучастіи человѣческихъ силъ въ содѣваніи спасенія настолько чуждо крайностей ученія бл. Августина и Пелагія, что не можетъ быть и рѣчи о малѣйшемъ склоненіи его въ ту или другую сторону; оно удивительнымъ образомъ избѣгаетъ малѣйшаго уклоненія на право или на лѣво, идя истинно царскимъ путемъ въ спокойномъ величіи созерцанія таинственныхъ путей благодати, охраняющей въ неприкосновенности и вмѣстѣ направляющей и возсоздающей человѣческую волю и всю человѣческую душу. Нерѣдко пр. Макарій направляетъ свою рѣчь прямо или противъ ученія бл. Августина (напр. въ рѣчахъ объ остаткахъ добра въ падшей человѣческой природѣ) или противъ Пелагія (напр. образы человѣка, какъ ничего не имѣющаго нищаго, или какъ раба, служащаго царю его же сосудами, или больнаго, лежащаго безъ движенія на одрѣ болѣзни, или младенца, еще не могущаго ходить, и мн. др.).

А. Катанскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки